

ТАЛА
ТОЦКА

Он ТЕБЯ НЕ
ЛЮБИТ (?)

Ямпольские-Демидовы

Тала Тоцка

Он тебя не любит (?)

«Тала Тоцка»

2022

Тоцка Т.

Он тебя не любит (?) / Т. Тоцка — «Тала Тоцка»,
2022 — (Ямпольские-Демидовы)

Макар: Я ее не любил, у меня другая жена. Но почему когда она ушла из моей жизни, внутри стало пусто и холодно, будто я и не жил никогда?..

Эва: Мне и моей маленькой дочке очень нужны деньги. Целый год я буду играть роль жены этого мрачного опасного мужчины, зато потом смогу уехать далеко-далеко от того, кто заставил умереть мое сердце и кто давно женат на другой... Ямпольский: Год она будет играть роль моей жены. Она мне подходит. Красива, непритязательна. Жаль, что слишком молода, ведь цена сохранения моего бизнеса – ее жизнь. А я всегда плачу по счетам.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Тала Тоцка

Он тебя не любит (?)

Пролог

Макар окинул скучным взглядом присутствующих в зале. Многих из них, с ног до головы упакованных в статусную обертку от «Brioni» и «Ermenegildo Zegna», он знал лично. В первые полчаса уже успел со всеми поздороваться и переброситься парой обязательных вежливых фраз. С другими если и не был знаком, то примерно представлял, кто есть кто и кто чем дышит. Незнакомцев здесь по пальцам можно было пересчитать.

Неудивительно, местная бизнес-тусовка в залетных нужды не испытывала, разве что в желающих поудачнее пристроить деньги, а таких Ямпольский вряд ли стал бы приглашать. Он из той, особой породы, на которых глянешь один раз, и сразу становится ясно – этот человек в деньгах не нуждается очень давно и нуждаться не планирует. И не просто в деньгах, в настоящих деньгах. В больших.

То, что Арсен Ямпольский любитель пустить пыль в глаза, Макар слышал не раз, вот теперь смог лично убедиться. Можно было ограничиться бизнес-ланчем и презентацией, но нет. Этот сноб устроил настоящий парад рейтингов и финансовой привлекательности своих потенциальных партнеров.

По такому случаю был арендован самый пафосный столичный ресторан. Потенциальные партнеры приглашены с женами, может быть потому, что сам Ямпольский недавно женился – поговаривали, на какой-то малолетке, вроде ей едва исполнилось двадцать. И теперь везде таскал с собой не только жену, а и их мелкую дочь.

Хотя, если новоприобретенная госпожа Ямпольская в самом деле так молода, откуда там взяться дочери? Ямпольскому сорок пять, но, судя по всему, молодая жена действовала на него как убийный эликсир молодости. Выглядел Арсен Павлович шикарно.

– Бедная девочка! Наверняка так расстаралась, чтобы залететь от Арсена, что ему совесть не позволила не жениться, – съязвила Аленка, но Макар лишь поморщился.

Ему не было никакого дела до семейных подробностей Ямпольского, гораздо больше его интересовали активы и представленные бизнес-проекты. В частности, самый последний, к которому Макар Демидов рассчитывал присоединиться.

Ради этого можно было вытерпеть и жену Ямпольского, и потенциальных конкурентов на предстоящем отборе. В себе Демидов не сомневался. Он знал, что партнерство у него практически в кармане, стоит им с Арсеном сойтись на более короткой дистанции.

Земельные участки, доставшиеся от отца, придавали стопроцентную вероятность успеху Демидова, но торопить события он не видел никакого резона, пускай все идет своим чередом. Следует выждать и поймать удачный момент, в идеале, чтобы Ямпольский сам вышел с предложением. В переговорах Макар всегда предпочитал стоять на одну ступеньку выше.

Аленка – умница его! – всю щебетала с женами местной банковской элиты. Да уж, тут Макару несказанно повезло.

Жена не только умница и красавица, благодаря ей у него никогда не болела голова, какое впечатление Демидовы производят на окружающих в неформальной обстановке. Об официальной и говорить нечего. Вполне респектабельное и благоприятное, здесь он мог полностью на нее положиться. Мечта, а не жена.

Сам Макар считал не часы, минуты, когда можно будет отсюда свалить, быть может, снова забуриться в ресторан, но только, Бога ради, не с такой прорвой народа. С каких пор градус

его настроения стал обратно пропорционален количеству окружающих его людей? Стареет, что ли...

Макар посмотрел на Алену, и та, поймав взгляд мужа, тут же улыбнулась в ответ. Красивая такая, его. Мужчины обращали на нее внимание, и Демидову это льстило. Ревновать жену ему и в голову не приходило, он же уверен в ней, как в себе.

Подошел и собственнически привлек за талию. Демидов всегда знал, что его женой будет только Алена, он влюбился в нее в восьмом классе, она из состоятельной семьи, его ровня, в отличие от...

В руке треснула зажигалка, и он беззвучно выругался. Недаром он запрещает себе не то что мысли, а любые поползновения в запретную сторону.

Нельзя.

Табу.

Иначе мигом вырубит, выбросит из реала, отзовется внутри оглушительной пустотой. А потом вспыхнет клубком из раздражающих в ключья эмоций и тонкого, звенящего, пронизывающего короткими импульсными токами возбуждения, которое просто невозможно утолить.

Эти неконтролируемые всплески неизменно выбеживали обычно всегда выдержанного и уравновешенного Макара Демидова. Вот как сейчас, стоило лишь вспомнить.

Так зачем ему такое счастье? В его жизни все отлично, бизнес, семья – да, их только двое, но это ненадолго. Его умница-жена пока в поиске себя, и Макар не торопит, он все отлично понимает.

Он любит Аленку и всегда любил, а то, что было, – это так, временно. Алена тоже была замужем, это ничего не значит. Однажды он сделал правильный выбор между сносящей крышу близостью и любовью всей жизни, и ни разу не пожалел...

– Мак, посмотри, как такое может быть? – голос жены прозвучал беспомощно и даже жалко.

Макар проследил за ее взглядом и остолбенел. Алена жалась к нему, что-то сбивчиво шептала, в ее голосе, жестах, глазах отчетливо сквозил страх. Но Макар больше не видел ничего и никого, кроме жены Ямпольского.

Та держалась за локоть мужа и стояла очень ровно, распрямив худенькие плечи. Но Макар на сто процентов был уверен, что внутри она предельно напряжена. Того и гляди лопнет струна, заставляющая из всех сил тянуть спину.

Слухи оправдались, она и правда оказалась слишком молода. Только ей не двадцать, а двадцать один, это Макар знал точно. Он даже знал, в какой именно день ей исполнился двадцать один год. Последние три года в этот день он почему-то оказывался пьяным в дым – разумеется, совпадение. Не станет же он из-за такого напиваться, он пока еще не выжил из ума.

Ямпольский отвлекся на беседу с одним из приглашенных, а его жена осталась стоять в окружении свиты мужа. Повернула голову к говорившему слева высокому brunetu, улыбнулась, подняла глаза и встретила взглядом с Макаром.

Пространство разорвал оглушительный взрыв. Как в замедленной съемке посыпались кирпичные стены, сложились гармошкой металлические конструкции. Обрушился и разлетелся в мелкую пыль потолок, засыпая собой всех присутствующих. Только их двоих не задело, даже не зацепило.

Пустота внутри отозвалась гулким эхом. Демидов даже оглянулся, не слышно ли окружающим, но никого не было. Весь мир оказался погребенным под руинами рассыпавшихся стен. Откуда-то Макар знал, что она ждала этой встречи и теперь смотрела не отрываясь, а он так же жадно пил ее взглядом.

«Ты... Что ты здесь делаешь, Эва?»

«Я здесь со своим мужем. А ты с женой. Все встало на свои места, Мак».

«Как ты могла уехать, не предупредив? Ты сбежала!»

«Я оставила тебе письмо. Так было лучше».

«Для кого? Для Ямпольского? Как ты можешь быть его женой? Как ты можешь жить с ним, спать с ним... Как, Эва? Ты позволяешь ему прикасаться к себе?»

«??? Ты нормальный, Демидов? Он мой муж! Конечно, я с ним сплю, мало того, мне нравится, он такой...»

Здесь воображение отказывалось подчиняться Макару. От картин, которые вставляли перед внутренним взором, его всего корежило. Он с трудом сдерживался, чтобы не подойти, не схватить Эвангелину за руку и не потащить прочь. Если надо, перебросить через плечо и унести. Демидов мотнул головой, отгоняя видения вместе с пустым воображаемым разговором, но у него ничего не получалось.

«Я никуда не пойду с тобой, Макар».

«Пойдешь. Я набью ему морду, твоему мужу, он не имеет права так называться, потому что ты...»

Здесь он стопорнулся, он даже мысленно не может такое выговорить, ведь это чудовищная ложь. Его женщина не Эва, у него есть жена, он ни разу ей не изменил.

«Это потому, что любишь, или потому, что тебя просто не интересуют другие женщины?»

«Конечно потому, что люблю».

«Почему тогда ты так часто видишь меня во сне, что даже начал принимать снотворное? Боишься однажды назвать жену моим именем?»

«Откуда ты знаешь?..»

Он готов был поклясться, что ее глаза увлажнились и заблестели. Больше он сдерживаться не мог и не хотел, отодвинул какого-то мужика, стоящего на пути, и направился к ней. И даже не глянул, идет за ним Алена или нет. Он не знал, что скажет, ему было плевать, что подумает Ямпольский, что подумают присутствующие. На всякий случай размял по дороге кисти рук. И чего он добивается, не знал. Знал только, что Эве не место возле этого старого мудозвона, пусть он хоть трижды миллиардер и выглядит на сорок. Два.

«А тебе двадцать один. Знаешь, что я подарил тебе на двадцать один год, Эва? А на двадцать лет, знаешь?»

«Ты дарил мне подарки? Но как?»

«Покупал в ювелирке, а потом отдавал встречным парочкам. Мне было все равно кому, лишь бы девушки хоть отдаленно напоминали тебя. Парням их отдавал, чтобы от себя дарили».

«У меня есть муж, Макар, теперь он делает мне подарки. Видишь этот бриллиант? Арсен подарил мне его после одной ночи, как ты когда-то, помнишь?»

Ярость вспыхнула, ослепляя, он по-настоящему на несколько секунд лишился зрения.

«Я не могу тебя отдать ему, Эва!»

– Мак, перестань... – одними губами произнесла Эвангелина, и Макар понял, что сказал это вслух. Будто пелена спала, он обнаружил себя стоящим возле Эвы и крепко сжимающим ее плечи. Мир, целый и невредимый, ослепительно сиял вокруг светодиодами, а к ним, рассекая толпу, уже шел Ямпольский с двумя охранниками за спиной.

– Зачем я тебе, Мак? – все так же беззвучно спросила она.

И он не нашелся, что ответить.

– Эва? Что происходит? – зазвенело стальное.

Макара качнуло от злости. Он еще спрашивает! Разве это муж? Разве Макар стал бы спрашивать, если бы кто-то вот так прикасался к Эве, хватал ее за плечи? И секунды бы раздумывать не стал. Удар у Демидова был поставлен почти профессионально.

Периферийным сознанием понял, что подумал об Эве, а не о своей жене. Правильно, он никогда не ревновал Аленку, потому что всегда знал, она будет с ним, зачем же ревновать? А сейчас его буквально разрывало на части. Одна мысль о том, что Ямпольский прикасался к Эве, что он может делать с ней все что угодно, доводила до безумия, до сумасшествия.

– Все хорошо, Арсен, не волнуйся. Это моя родственница с мужем. Познакомься. Демидовы. Алена и Макар. Алена моя троюродная сестра, – быстро заговорила Эвангелина, несмело прикасаясь к ладони мужа, а тот вдруг сжал ей пальцы. И от одного этого слишком интимного жеста у Макара едва не помутился рассудок.

Катастрофу предотвратила Алена. Она умудрилась втиснуться между Эвой и Макаром, рассыпалась в любезностях Ямпольскому, забросала Эвангелину вопросами и новостями.

Сам Макар все это время в упор смотрел на Ямпольскую, которая была когда-то Казаринова, а потом могла стать Демидовой. И стала бы, если бы он ее не отпустил, если бы своими руками не выставил прочь из своей жизни.

В груди сдавило, и Макар шумно втянул воздух. В области сердца появилась незнакомая давящая боль. Он так же шумно выдохнул, развернулся и, не попрощавшись, направился к выходу.

Алена побежала за ним. Она что-то говорила, но ее речь казалась скомканной скороговоркой, Макар даже не стал вслушиваться. Они миновали зал и вышли в холл, как тут навстречу метнулся мелкий вихрь и впечатался в ноги Макара.

– Ой, извините!

Он поймал вихрь в охапку. При ближайшем рассмотрении тот оказался очаровательной девчушкой с белокурыми локонами и круглыми щечками. Макар присел перед ребенком на корточки.

– Ты не ударилась?

– Нет! – замотало головкой белокурое чудо. – Ты мягкий. А как тебя зовут?

– Макар.

– Тебе повезло, – важно заявило чудо, – я сегодня научилась говорить букву «р», – и рыкнуло для пущей убедительности. – Ррр-рр-р!

– Это почему повезло? – спросил он, совершенно сбитый с толку.

– Потому что я теперь могу сказать: «Макар-р-р!» А раньше я сказала бы «Макал». И ты бы обиделся.

– Не обиделся, что ты, я бы не обиделся! – он улыбался, и пустота внутри размывалась, как волны размывают песчаный берег. – Тебя как зовут?

– Маш-ша, – она качнулась вперед, а Макар только шумно сглотнул, прогоняя перекрывающий горло ком.

Он сразу понял, кто перед ним. Узнал по глазам, которые ничуть не изменились с того момента, как она их открыла впервые в жизни. Вряд ли малышка догадывается, что первым, кого она увидела, был Демидов.

«Маша. Ты назвала дочку Машей. Спасибо, Эва. Эвочка...»

– Мария, пойдем к маме, она тебя ищет, – огромный, похожий на медведя, охранник протянул ребенку свою лапищу, и детская ручка буквально утонула в широченной ладони.

– До свидания, Макар-р-р! – церемонно привстала на носочки девочка.

– До свидания, Маша...

Макар смотрел им вслед, а потом вдруг отчетливо понял, что не может вот так взять и отдать их Ямпольскому. Ни Эву, ни Машу. Круто развернулся обратно, но в рукав намертво вцепились пальцы с наманикюренными ногтями. На одном из пальцев сверкнул бриллиантовый ободок, и это внезапно отрезвило Макара, вернуло к действительности. Здесь его жена, Аленка. Алена. А не Эва.

– Куда ты, Мак, с ума сошел? Он же муж! – а потом с горечью прошептала, не спрашивая, а утверждая: – Ты что, ее ревнуешь?

Он не ответил, потому что сам не знал. Молча прошел к выходу и остановился на крыльце, глубоко дыша, втягивая воздух полной грудью. Надеясь хоть так остудить пылающий

в груди адский огонь и вырубить короткие импульсные токи возбуждения, пронизывающие каждую клетку тела.

Еще предстоит разобраться, почему так легко обрушился мир, который Макар строил вокруг себя целых три года, лишь только на горизонте мелькнула Эва.

Непонятная, непрозрачная, нечитаемая.

Так и оставшаяся для его внутреннего навигатора загадочной неопределяемой локацией. А ведь он старательно строил свой мир только из-за нее, чтобы отгородиться от нее и забыть.

«Херово, выходит, строил».

И если где-то на земле был ад, теперь Макар знал совершенно точно – его ад был полным эксклюзивом.

Можно сказать, персональным.

И у этого эксклюзива было имя – Эвангелина.

* * *

– В чем дело, Эва, почему ты позволила Демидову лапать тебя в моем присутствии и на глазах у моих гостей?

– Простите, Арсен Павлович, – она старалась, чтоб внутренняя дрожь не прорвалась наружу. Ямпольский не любит истеричек, она это хорошо усвоила, – я просто не была готова к этой встрече. Больше такое не повторится.

– Что между вами было? Почему он так себя вел? Ты спала с ним? – стальные глаза сверлили безостановочно, но она стойко выдержала взгляд. Лгать было бесполезно. И опасно. – Что ж, если ты не можешь удержать в рамках бывшего любовника, мне придется действовать самому.

– Не нужно, Арсен... – она облизнула вмиг пересохшие губы. – Он... Макар отец моего ребенка.

Стало тихо, взгляд Ямпольского сделался ледяным.

– Ты должна была мне рассказать, – он казался расслабленным и спокойным, но это было обманчивое спокойствие, как у хищника, притаившегося в засаде. – Мне позарез нужна его земля. Я предпочел бы иметь дело с его отцом, младший Демидов слишком агрессивно ведет себя в бизнесе. Но выбора нет, мне придется с ним работать, Эва. Это может стать проблемой?

– Нет, – Эва отлично держалась, – он не знает. И не должен узнать.

– Ты уверена? Больше никто не в курсе?

– Знает его жена, но она будет молчать. Это не в ее интересах.

– Да, пожалуй, ты права, – Ямпольский задумчиво рассматривал свои руки, – хорошо, Эвангелина, иди отдыхай.

Эву провели в спальню. Она держалась, пока за охранником не закрылась дверь, а потом сползла по стене.

Где он взялся, этот Демидов, со своим изучающим, будто ощупывающим взглядом? И раньше, когда он смотрел в глаза, Эве казалось, будто он проникает прямо ей в подкорку и читает все тайные мысли.

Ей приходилось притворяться, и без того было сложно, но, когда он во время затянувшегося сеанса любви запрокидывал ей голову и всматривался в лицо, это становилось практически невозможным.

Сегодня он так же на нее смотрел, как будто она не стоит возле мужа в окружении охраны, а лежит, обнаженная, придавленная и обездвиженная тяжелым телом самого Макара. Будто он стянул ей на затылке волосы и запрокинул голову, а сам вглядывается в самую глубь своими невозможными серыми глазами.

«Зачем же ты снова вломился в мою жизнь, Макар Демидов?»

Глава 1

Три месяца назад

«Долго она еще будет возиться?»

Арсен бросил скучающий взгляд на часы, затем на девушку у своих ног. Лучше бы он этого не делал. Ничто так не портит настроение с утра, как неумелая девица, с каких-то делов вдруг возомнившая, что ей оказано предпочтение.

Ничего подобного, он просто промолчал, не стал осаживать, как тех пятерых перед ней, и не послал открыто, как еще троих следом. Эта была последней в списке, подготовленном Борисом, и, похоже, самой безмозглой.

Арсен понял это сразу, стоило взглянуть на перекачанные ботоксом губы, которые были толщиной с его большой палец. На ноге. И в совершенно пустые, ничего не выражающие глаза.

Наверное, девушка была красива. Модельное агентство Навроцкого высоко ценилось в фэшн-тусовке, но только не для Арсена. Когда губы живут отдельно от лица, ресницы похожи на опахала, а вместо бровей две изогнутые татуировки – это заслуживает массы эпитетов, приличных и не очень. Но красотой это, по его мнению, называться не должно априори. По определению.

Девушка почему-то решила, что Ямпольский остановил свой выбор на ней. Приняла его охреневшесть за интерес?

Ладно, Арсен не возражал, когда она плавной кошачьей походкой – сто процентов насмотрелась тематических роликов на «взрослом» ресурсе – подошла к нему и положила руку на грудь, скользнула под полы пиджака, оглаживая мышцы через дорогую ткань рубашки. Но потом губы – Арсен готов был поклясться, они сами приплыли к нему по воздуху! – потянулись к его лицу, и Ямпольский привычным жестом смахнул девицу вниз.

– Совсем рехнулась? Работаем.

Дважды повторять не пришлось. Минут пять Ямпольский обдумывал, кто мог надоумить эту глупую курицу так дешево к нему подкатить, неужели Борис? Так тот вроде бы смертником никогда не был, берегся.

Арсен мог выставить девушку в два счета, но зачем-то решил спустить пар, слишком зол он был и на Борьку, и на так называемых красавиц, лица которых были как под копирку. А вместо этого еще сильнее разозлился.

– Поторопись, милая, у меня день расписан по минутам, – глухо проговорил он, и девица торопливо закивала. Кивать ей было неудобно, и смотрелось это настолько комично, что Ямпольский прикрыл рукой глаза.

И это убожество Боря подсунул ему в качестве претендентки на роль жены? Сейчас он пойдет и набьет Борьке рожу, сейчас, только закончит...

– Давай быстрее уже! – прикрикнул раздраженно, девица от ужаса округлила глаза, и ему стало смешно, просто дико как смешно. И стало ясно, что это может тянуться еще долго.

Арсен взял ее за затылок, пальцы тут же нащупали мелкие капсулки. Твою ж мать, и волосы наращенные! Да ей хорошо если двадцать лет, когда она успела себя настолько апгрейдить? Ямпольский чувствовал себя в точности, как будто собирался на кастинг претенденток на лицо компании «Индастрил Инвест», а по ходу попал на фабрику по производству виниловых кукол.

Он завершил процесс в несколько движений, дальше осталось застегнуть молнию, защелкнуть ремень и, не глядя, всунуть дышащей как астматик девице стодолларовую купюру. Будем считать это благотворительностью. Не глядя, Арсен! Еще стошнит. Вот теперь можно и побеседовать со старым другом. И если Ямпольский его сейчас не убьет, это будет означать, что в его жизни неожиданно настала эра милосердия.

* * *

– Боря, я не шлюху себе выбираю, а жену, – Ямпольский раздраженно отодвинул очередное портфолио и уставился на сидящего напротив собеседника, – и не вздумай уверять, что ты лично для меня отобрал этот колхоз!

– Напомни, мы сейчас с тобой у меня в кабинете или на кафедре невзашибенных наук? – Борис даже не шевельнулся, и Ямпольский в который раз пожалел, что не может поручить это дело простому исполнителю, с которого можно спросить, а не давнему знакомому, который только скалится в ответ. – Арс, ты меня удивляешь!

– Чем? Тем что не хочу иметь жену, которая тупее этой пепельницы? – Арсен приподнял и с силой поставил обратно массивную пепельницу в виде русалки, едва удержавшись, чтобы не запустить ею в голову Бориса. Не запустил, покрутил в руках и брезгливо скривился. – Что за отстой ты держишь у себя на столе, Боря, выбрось ее и не позорься.

– Подарок жены, какой-то там век, – буркнул Навроцкий и огрызнулся: – Тогда почему ты пришел ко мне? Иди на городскую студенческую олимпиаду по математике, там их как грязи, этих умненьких студенточек.

– Потому что мне нужна красивая девушка. Жена Ямпольского не может быть селянкой, Борис, не притворяйся дураком, тебе не идет.

– Тут или умная, или красивая, определись, Арсен. А тебе же еще порядочная нужна, может, сразу девственница?

– Если девственница, то это просто отлично, самое то для здорового потомства. Можешь плевать ядом сколько угодно, но я плачу достаточно, чтобы танцевать тебя, Борис! – Арсен перегнулся через стол и поинтересовался вполголоса: – Это, случайно, не ты им советуешь слету лезть к моей ширинке?

– Профдеформация, Арс, – осклабился Навроцкий, разводя руками, – я тут ни при чем. У девочек рефлекс, ведь это оплачивается совсем по другому тарифу. Кому хочется по двенадцать часов вертеть задом перед объективом или ходить по подиуму, когда за меньшее время можно заработать вдесятеро больше?

Помолчал, а потом добавил совсем другим, обычным тоном:

– Да нормальные они девки. Это у тебя запросы как... – он махнул рукой.

Борис Навроцкий был руководителем модного журнала «Elit» и модельного агентства «Elit Models Lux», которые входили в медийный холдинг Ямпольского, у него была какая-то доля, Арсен не интересовался какая. А то, что девочки-модели оказывали эскорт-услуги respectableм обеспеченным мужчинам, не желающим афишировать свои связи, было, разумеется, известно лишь довольно узкому кругу.

Они немного побуравили друг друга взглядами, Навроцкий сдался первым.

– Хорошо, тогда я объявлю дополнительный кастинг, куда включу в обязательном порядке тестирование по ай-кью.

– Сделай одолжение, – милостиво кивнул Ямпольский, и тут лицо Бориса приняло задумчиво-подозрительный вид.

– Хотя... У меня идея, Арс. Я знаю, что нам нужно. Конкурс красоты! – выдал он и откинулся в кресле, глядя на Ямпольского торжествующим взглядом.

Арсен в ответ удивленно поднял брови, его лицо оставалось непрошибаемым.

– Повтори-ка.

– Какое из двух слов ты не узнал? – уточнил Борис.

– Не ерничай. Нахера мне твой конкурс?

– Конкурс, может, и не нахера, а вот победительница как раз то, что нужно. Ты же известный сноб и эстет! Мы проведем кастинг, отберем девушек, пусть посоревнуются между собой

для вида, ты выберешь подходящую, и мы ее протащим в финал. Зато ни у кого не возникнет вопросов, почему миллиардер Ямпольский выбрал в жены девушку с улицы. Ты сам говорил, что хочешь этого избежать.

«Ну может же когда хочет!» Идея в самом деле была стоящей.

– Хорошо, пусть будет конкурс. Я хочу видеть анкеты участниц, и да, включи меня в состав жюри, – сказал Арсен, вставая и одергивая пиджак. Разгладил несуществующие складки, стряхнул невидимые соринки. Все должно сидеть безукоризненно и смотреться идеально. Так было все и всегда в его жизни.

Навроцкий болезненно прищурился, разве что не застонал. Что ж, Борис верно мыслит, Арсен заставит их вкалывать на этом кастинге как рабов на плантациях, выжмет всех до капли, чтобы достичь цели. Это он умел и делал виртуозно.

– Послушай, да на кой тебе сидеть в жюри, будешь из вип-зоны смотреть, ну зачем светиться раньше времени? Ладно, ладно, – сдался Борис, уперевшись в его тяжелый взгляд, – в состав отборочной комиссии пойдешь?

Ямпольский не ответил, лишь поднял обе ладони, давая понять, что разговор окончен. Конечно, Навроцкий был прав, когда говорил, что у него слишком завышены требования, но на то были свои причины. Жена миллиардера Арсена Ямпольского должна быть не просто красивой, она должна быть особенной, это не его личная прихоть и блажь, а жизненная необходимость, иначе никто НЕ ПОВЕРИТ.

А ему нужно, чтобы поверили. Что он влюблен. Что у него снесло крышу от любви. Что Арсен Ямпольский душу готов продать за свою молодую жену. Значит, она должна быть именно такой – юной, красивой, за которую можно не задумываясь отдать состояние. И чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения.

– Выпить не хочешь? – Борис спросил, и Арсен на миг притормозил. Он давно не за рулем, не в его статусе отирать зад на водительском сиденье, можно, но...

– Нет, бросил, – он взялся за ручку двери, – я ведь скоро женюсь, мне нужен наследник, у меня будет молодая жена, забыл? Так это уже склероз, ты тоже бросай, Боря, алкоголь губительно влияет не только на мозги, а и на эрекцию.

Навроцкий посмотрел на него с плохо скрываемой насмешкой.

– Это у тебя склероз, вспомни, где я работаю! В таком месте пропасть не дадут, можешь не сомневаться. А вот тебе, – он ткнул в Ямпольского пальцем, – не мешало бы призадуматься. У тебя когда в последний раз баба была?

– Полчаса назад, – ответил Арсен, глянув на громоздкие часы, украшавшие стену кабинета.

Возможно, он придирается, и часы не такие неуклюжие, и пепельница не настолько безобразна, просто у него отвратительное настроение, потому и все вокруг кажется таким же отвратительным. Даже Борис. Особенно Борис. Но если сообщить ему об этом, настроение вряд ли улучшится, и Арсен промолчал.

Он уже повернулся, чтобы выйти, как вдруг дверь распахнулась, и перед ним оказалась девушка. Чуть выше среднего роста, тоненькая, с темными, собранными в хвост волосами и карими глазами, казавшимися на уточенном скуластом лице просто огромными. В руках у нее был объемный конверт.

– Ой, извините, – она ступевалась и отступила, пропуская Ямпольского, а тот остановился, не отдавая отчета почему, – я к Борису Альбертовичу.

– Эва? Ты принесла фотографии? – отозвался Навроцкий и повернулся к Ямпольскому. – Не хочешь посмотреть? Ты же увлекался когда-то фотографией, а Эвочка фотограф от Бога.

– Эва? – удивленно поднял брови Арсен.

– Эвангелина, – быстро поправила девушка. Арсен продолжал ее рассматривать.

Очень правильные, будто вылепленные, черты лица, и сам овал как выточен. Пожалуй, да, его можно назвать красивым. Если бы Арсен был художником, он бы рисовал именно такие лица, но, к счастью, он не художник, он бизнесмен. Очень успешный. У него столько денег, что можно купить всех художников мира, а на сдачу занять их же мазню.

– Не Евангелина?

– Нет, – несколько взмахов длинными изогнутыми ресницами, и слегка потупившийся взгляд, – так мама захотела...

– Эва, это Арсен Павлович, наш заказчик, он лично выбирает модель, которая станет рекламным лицом его бизнес-империи. Там есть подходящие варианты? – спросил Борис, а Ямпольскому стало интересно, спит он с этой диво-фотомастерицей или нет.

Он продолжал рассматривать девушку в упор, отчего-то испытывая необъяснимую злость от одной мысли, что это может быть «да».

«Спит или нет?»

Снова взлетели ресницы, схлопнулись, взлетели. И пусть на миг, на крохотную долю секунды, но Арсен успел поймать мелькнувшее в ее глазах пренебрежение, смешанное с брезгливостью.

«Нет!» Конечно же, нет, она не спит с Навроцким!

И к Ямпольскому она чувствует отвращение, потому что не сомневается – он здесь в поисках сопровождения на вечер или на ночь. Внезапно Ямпольский почувствовал, что ему нечем дышать, так сильно стискивает горло галстук. Он поспешно ослабил узел.

– Что ж, не откажусь. Я действительно одно время серьезно увлекался фотографией. Показывай, что ты умеешь, Эвангелина.

Она смутилась, и Арсен охренел от непривычного зрелища. Он и забыл, что кто-то еще на это способен. Девушка подошла к столу и привычным жестом разложила на столе Навроцкого яркие глянцевые фотографии моделей. Снова те же лица, губы, глаза, волосы... У Ямпольского зарябило в глазах. А потом он взглянул на пачку фото в ее руках и остолбенел.

– Покажи, – он сам удивился, как придушенно это прозвучало, – да нет, не эти, те фото покажи.

Эва бросила на него непонимающий взгляд, но все же послушно протянула пачку.

– Я на выходных выезжала за город и там немного снимала...

– Это... Это ты? Ты сама? – Арсен потрясенно перебирал фотографии, с восхищением отмечая, как точно выбран ракурс, как качественно передана цветовая гамма, как филигранно выбран угол, под которым падает свет. – Где ты училась? У тебя превосходная школа!

– Нигде, – пожала плечами Эвангелина, – в школе ходила в кружок, а потом смотрела ролики на ю-тубе. У меня маленькая дочка, – добавила она немного с вызовом, – мне некогда учиться.

– Дочка? – поднял брови Ямпольский. – Сколько же тебе лет?

– Двадцать один, скоро двадцать два будет.

– А дочке?

– Почти три.

– Арсен Павлович, посмотри на невесту... соискательниц, если тебе кто подходит, ткни пальцем, с девочками начнут работать, – влез Навроцкий, явно намекая, что Ямпольскому пора отвалить.

– Никто не подходит, – качнул головой Арсен, не сводя глаз с фотографий и их создательницы, сам не понимая, почему не может заставить себя уйти.

Глава 2

– Да чтоб для тебя все бордели мира были на вечном переучете, – в сердцах проговорил Навроцкий и едва сдержался, чтобы не сплюнуть, – как же ты замахал меня, Арс!

Ямпольский с бесстрастным выражением лица смотрел на Бориса.

– Просто объясни, зачем микрофон. У нас отбор официанток в караоке-бар?

– Ты сам полдня выносил мне мозг, что тебя интересуют предпочтения претенденток, в том числе музыкальные! Или я что-то не так разобрал?

– Они меня просто интересуют, эти предпочтения, Боря, информативно, слушать бляение их носительниц не обязательно.

– Девочки старались, готовились, давай не выдрачивайся, а?

Арсен не ответил, потому что в студию уже входила следующая... невеста? Он чуть не рассмеялся, так дико это прозвучало, очень в духе Навроцкого. Ладно, пусть будет соискательница. Арсен подобрался и мысленно приказал себе не придирается по мелочам, в конце концов, если будет пригодный исходный материал, всегда можно попытаться что-то слепить самому.

Кастинг претенденток на роль жены Ямпольского проходил в одной из фотостудий агентства, отборочная комиссия в лице Арсена и Бориса расположилась (читай, развалилась) в удобных креслах напротив возвышения, используемого вместо сцены.

Девочка была хороша. Прелестна как ангел, сказал бы поэт или писатель, хорошо, что Ямпольский поэтом никогда не был, да и писателем тоже. Потому он просто поставил галочку напротив фамилии девушки.

Круглое личико, щечки с ямочками – приятное разнообразие на фоне ассортиментного ряда фабрики виниловых кукол. Арсен даже изобразил подобие улыбки, пока Навроцкий задавал девушке общие, принятые в рамках предстоящего конкурса, вопросы.

Девочка отвечала, ничего особенного, но Ямпольский и не рассчитывал, что соискательницы будут блистать знаниями в области, скажем, живописи. Если его фиктивная жена не сумеет отличить Моне от Мане, Арсен как-нибудь это переживет. Вполне достаточно, если она будет хотя бы подозревать об их существовании, а принцип «Мане – люди, Моне – пятна» Арсен в состоянии объяснить будущей супруге сам.

Кристина имела весьма смутное представление обо всем, что прямо или косвенно не касалось создания и выкладки сторис. Ямпольский сначала поскущел, а потом подумал, что, возможно, девушка интересуется музыкой, пусть современной, она ведь совсем юная, лет девятнадцать, наверное...

– И что ты нам споешь, Кристинка? – медовым голосом спросил Навроцкий.

– Мою любимую песню, – тряхнула аккуратной челкой девушка, и Борис жестом дал знак начинать.

При первых же аккордах Ямпольский чуть не подавился, при вторых превратился в статую.

Кристинка пела «шансон», призывно выставив вперед ногу и глядя в упор на Арсена. Ямпольский прикинул в уме.

Когда эта песня переживала пик своей популярности, Кристинка выпускалась из детского сада. Арсен не то, чтобы был знаком с музыкальной программой детских садов, но не без оснований предполагал, что подобные песни там отсутствуют.

Ямпольский повернулся к Борису, который постукивал в такт ботинком и разве только не подпевал.

– Что? – не понял тот, поймав его враждебный взгляд. – Хорошая ж песня.

Кристинка сипло выводила, вращая глазами, словно и правда перед кастингом выкурила пачку, и не одну.

Арсен прикрыл рукой глаза. Навроцкий покосился на босса, затем сел прямо и махнул рукой, останавливая представление. Музыка смолкла, девушка обиженно хлопнула глазами.

– Так это твоя любимая песня, – уточнил Арсен, – или все-таки твоей мамы?

Кристинка надула губки и ничего не ответила.

– Это ты, сволочь, им присоветовал нарыть для меня старперских песен? – развернулся он к Навроцкому, когда девушка покинула студию. – Или ты тоже станешь уверять, что их от такого прет?

– Да с чего у тебя чуть что, сразу я? – возмутился Борис, незаметно отодвигаясь подальше. – Они и сами головастые девки, без меня соображают, как тебя поразить.

– Поразить, – проворчал Ямпольский, – лучше скажи, опустить.

Но все же галочку напротив Кристинки обвел жирным кругом. За креативность.

– Радуйся, что они тебе такое поют, знаешь, что молодежь сейчас слушает? – доверительно наклонился к нему Борис. – Ты вообще охренел бы, если б услышал.

– Что? – поднял бровь Ямпольский.

– Сейчас вспомню, у меня дочка прям пищит, эти, как их, – Борис пощелкал пальцами, наморщив лоб. – О, вспомнил! «Грибы»!

– А разве их слушают? – искренне удивился Арсен, и Навроцкий безнадежно отмахнулся.

* * *

Следующей была брюнетка, настолько роскошная, что Арсен даже сменил ногу. Поджало. Судя по Борису и понимающей улыбке Снежаны – так ее имя значилось в списке – подобная реакция была ожидаемой и привычной.

Дальше можно было не продолжать. Ямпольский уже знал, кого сегодня вечером привезет к нему водитель Навроцкого, но не стал лишать девушку удовольствия почувствовать себя победительницей.

Пушай. Это даже не до утра, ночью она уедет обратно и на конкурс, конечно, не попадет. Есть одно главное условие, о котором никому не следует знать – отсутствие физического влечения к контрактной жене. Если при взгляде на очередную «невесту» снизу поступают определенные импульсы, это верный признак, что напротив ее имени нужно ставить жирный минус.

Он не будет спать со своей женой. Секс между ними исключен, она всего лишь средство достижения цели. И если позволить себе подпустить ее ближе, как знать, потом он может смазодушничать и дрогнуть. А этого допустить нельзя ни в коем случае.

Арсен смотрел на следующую после Снежаны девушку – высший пилотаж современной косметологии – и мрачнел все больше. Если по уму, то нужно брать вот такое силиконовое совершенство.

Но внутри все сопротивлялось, стоило представить, чтобы даже на год, даже для дела дать ей свое имя. Ямпольская? Арсен пренебрежительно поморщился и поставил прочерк. Чуть бумагу ручкой не разодрал.

Нет, его жена должна вызывать зависть такую, что до зубовного скрежета. Ею должны восхищаться, возможно, даже пытаться отбить. Арсен с удовольствием повоюет.

Пусть Навроцкий землю роет, ну не может такого быть, что на всей планете не найдется нужной девушки. И когда Арсен ее найдет, возьмет как приз, заберет себе и сделает из нее настоящую королеву.

На мгновение ему даже стало жаль эту незнакомую девочку. В душу заползли сомнения – если разыщется такой бриллиант, поднимется ли у него рука потом безжалостно пустить ее

в расход? Может, пересилить себя и воспользоваться бесконечными и похожими друг на друга до тошноты виниловыми куклами?

Но мгновение прошло, а с ним и жалость испарилась, остался лишь холодный рассудок. Нет, ему не жаль, пусть только найдется, и тогда Ямпольский подарит ей лучший год в ее жизни. И хоть он будет для нее последним, но разве не лучше прожить его по-королевски?

Если бы перед Арсеном поставили выбор: низменное, плебейское существование до старости или один единственный год, но царский, он бы не сомневался ни минуты.

Значит нужно продолжать поиски и надеяться на собственное чутье. Его внутренний тигр может быть спокоен, Арсен уверен, что поиски увенчаются успехом. Надо просто молча пролистывать страницы, ставить галочки, плюсики или прочерки. И ждать, когда ОНА появится.

* * *

– Ты должен непременно попробовать гаванские сигары, Арс, лимитированная серия, Рокки Патель удавится, если попробует...

Они вошли в кабинет Навроцкого, и Арсен краем глаза заметил, как под столом что-то мелькнуло и затаилось. Борис проследил за его взглядом и расплылся в улыбке, а затем зарокотал басом на весь кабинет, повергая Ямпольского в полное изумление.

– Кто сидел в моем кресле и сдвинул его с места?

Умолк и прислушался, в установившейся тишине ясно слышалось громкое сопение.

– Кто пил из моей чашки и разбил ее?

– Это не я, – показалась из-под стола светлая детская головка с двумя торчащими хвостиками. – Я не била твою чашку, медвед!

Перед Арсеном предстало совершенно мелкое создание с раскрасневшимися щечками и блестящими серыми глазищами.

– Медведь, – машинально поправил он девочку, но та мотнула головой, отчего хвосты замотылялись из стороны в сторону.

– Не-а. Он медвед, а я Маша. А ты кто?

Арсена не слишком умиляли дети. Он рассматривал их как промежуточный этап между сексом и взрослой особью, поэтому понятия не имел как вести себя с девочкой. Но та сама подошла к нему ближе.

– Ты кто? – повторила она, наклонив голову набок.

– Я? – задумался Арсен и пожал плечами. – Тигр.

Девочка очень жалобно взглянула на Арсена и грустно вздохнула.

– Машунька, это Арсен Павлович, ему нужно говорить «вы», – Борис сел на стул и поправил девочке перекосившуюся кофточку. Его движения были привычными, будто он с утра до вечера поправлял одежду маленьким девочкам.

– Не обязательно, говори «ты», – милостиво позволил Ямпольский.

– А как тебя еще можно называть? – вдруг спросила Маша, смешно сведя брови домиком.

– Что значит, как? – не понял Арсен.

– Ну можно, – девочка оглянулась на Навроцкого, а потом снова уставилась на Арсена с жалобным видом и даже ладошки сложила просительно, лодочками, – можно ты тоже будешь медвед, как он? Умоляю!

– Ну хорошо, – Арсен даже растерялся, его уже давно никто не умолял, – раз ты так хочешь, пусть.

– Я пойду скажу маме! У меня уже два медведа есть!

Девочка подпрыгнула, захлопала в ладоши и понеслась прочь из кабинета.

– Боря, это твой внебрачный ребенок? – придя в себя, спросил Арсен. – София знает?

– С ума сошел? – буркнул Борис. – Это Машка, Эвочкина дочка, мы с Софией у нее что-то типа крестных родителей.

– Эвина дочка? – Арсен смотрел на дверь, жалея, что не рассмотрел ребенка внимательно-нее.

А ведь и правда они похожи. Только глаза у Эвы были темными как расплавленный шоколад, а у ее дочери серыми, почти голубыми.

– Чудо-дите, – улыбнулся Борис, – мы ее обожаем. Знаешь, почему ты медведь?

– Почему?

– Машка не выговаривает «р» и страшно стесняется, поэтому старается использовать слова без «р». Ни тигр, ни Арсен ей не подошли. И «медведь» она никак не научится правильно говорить, язычок заплетается. София с Женькой все ее, бедняжку, тренируют.

– Медвед, а не медведь, – поправил Арсен, и вдруг тоже улыбнулся, хоть и одними кончиками губ.

* * *

Арсен открыл бутылку, плеснул в бокал виски и отпил, задумчиво глядя на простирающийся перед ним ночной город. Сияли огни, затмевая одинокие звезды, уже давно зажегшиеся на небосклоне.

В городе звезды светят тускло, поэтому город Ямпольский не любил. Его апартаменты находились на самом верхнем этаже принадлежащего ему же отеля. Арсен останавливался здесь, когда задерживался в столице и неудобно было ехать в особняк.

Город тоже принадлежал Ямпольскому, хоть об этом и не подозревал. Бизнес, легальный и нелегальный, работал четко и отлаженно. Легальный затрагивал многие сферы – и энергетическую, и финансовую, и горнодобывающую, и металлургическую. Его предприятия давали стране рабочие места, работали «в белую» и платили все налоги. Социальная программа там была такая, что к ним очереди стояли. И Ямпольский останавливаться не собирался.

В связи с этим его очень интересовали земельные вопросы. Они его всегда интересовали, весьма нехоти отошел от дел Роман Демидов. Этот щенок, его сын, не нравился Арсену, но выбирать, с кем работать, не приходилось.

Арсен верил, что придет день, и младший Демидов уступит, так было всегда, все уступали его напору. А вот в нелегальном бизнесе Ямпольский давно и заслуженно был признан оружейным королем.

– Тебе дай волю, ты атомную бомбу на запчасти разберешь и за бугор перепродашь, – ворчал Маркелов, его деловой партнер. Они были в равных долях, право голоса у обоих были равны, и Арсен на такие слова только усмехался.

Бомбу не бомбу, а почву для поставок обогащенного урана в страны Ближнего Востока Ямпольский готовил. Но Маркелов однажды решил, что этого мало, и смотреть, как мимо них протекают миллиарды, которые приносит наркоторговля, больше не хотел.

Арсен был против. При всем своем цинизме он считал, что наркобизнес удел людей ущербных, мелких и ни на что более неспособных.

– Хватит, Арс, – морщился Ринат, – перестань корчить из себя дона Корлеоне, надо быть лохом, чтобы позволять другим кормиться на своей территории.

– Нет, – резко пресекал его Ямпольский, – и больше мы это не обсуждаем.

Но сейчас он точно знал, что Маркелов за его спиной ведет переговоры о поставке крупной партии наркотиков. Пока транзитом, а на будущее разрабатывался план создания разветвленной сети сбыта. Ямпольскому нужны были деньги на развитие легальной сферы. Ее доходы росли, и вынуть сейчас такую значительную сумму из оборота означало обескровить бизнес.

Конечно, Ринат это понимал. Но он всерьез намеревался перетянуть в наркоторговлю большую часть финансов в то время, как все, напротив, старались легализоваться.

И у Арсена не получится остаться в стороне. Проклятый договор, подписанный после того, как им удалось то, что до сих пор не рискнул сделать никто в криминальном мире, связывал его по рукам и ногам.

Арсен сделал еще глоток и прикрыл глаза. В ушах стоял гул вертолетов, он снова видел залитую лучами прожекторов палубу корабля, на котором проходила сходка. Это была идея Арсена-Шерхана собрать всех на корабле под видом трехдневного морского круиза.

Совесть с тех пор ни разу его не потревожила. Люди, стоявшие ниже по иерархической лестнице, всегда были для него расходным материалом. Напротив, он получил удовольствие от того, как точно рассчитал место и время. А что повязали всех – ну так, известно, лес рубят – щепки летят.

Криминальный мир просто охренел от такой беспрецедентной наглости, но авторитеты вмешиваться поостереглись, зная, кто крышевал операцию со стороны силовиков. А Грек захотел подстраховаться.

– Сам понимаешь, Арс, мы теперь повязаны больше, чем кровью. Этот договор нужен, чтобы и ты, и я могли спокойно спать. Теперь мы будем беречь друг друга как зеницу ока.

Шерхан и Грек слили всю группировку силовикам, забрав общак, который стал платой за эту сделку. Полковник, руководивший операцией, получил генеральские погоны, а Шерхан стал бизнесменом Арсеном Ямпольским.

Тот самый общак послужил первоначальным капиталом, который позволил им с бывшим Греком, а ныне миллиардером Ринатом Маркеловым создать целую бизнес-империю, которую Маркелов теперь ставил под удар.

Это было главным условием лояльного отношения генерала Грачева – никакой наркоты. Его сын умер от передоза, и у Грачева с наркодельцами были свои счета. И он, и его преемники, насколько хватало ресурсов, бились с наркобизнесом насмерть, и Ямпольский не собирался нарушать договоренности. Зато их планировал нарушить Маркелов.

Если бы Ямпольский знал, чем обернется договор с бывшим подельником, лучше бы задушил Рината голыми руками. Но то ли чутье подвело Арсена, то ли он и сам хотел гарантий, теперь сложно было сказать.

Они подписали договор, где выступили друг для друга наследниками первой очереди. И, если с кем-то происходил несчастный случай, под подозрение автоматически попадала вторая сторона. Но когда Арсен познакомился с Лерой, он не подозревал, что стал для нее смертным приговором.

* * *

Тонкая рука легла на его хорошо проработанный пресс безо всякого намека на жир – Арсен в свои сорок пять был в прекрасной форме. Погладила мышцы, пробежалась по жесткой дорожке, спускающейся вниз и ныряющей за мягкий пояс домашних брюк.

– Почему ты ушел? Я замерзла, – Снежана прижалась сзади, обвив его руками. Он взглянул на часы, вообще-то, ей уже пора. Или оставить еще на час? Ладно, полчаса.

Снежана Арсену понравилась. Он решил, что, пожалуй, пусть еще побудет. Ему импонирует энтузиазм, с каким девушка, по ее убеждению, зарабатывала себе корону королевы. Ямпольский вдруг представил ее лицо, узнай она, какой приз ждет в конце победительницу конкурса, и какая роль по итогу ей достанется. Даже мелькнула мысль проверить.

Но проверять не стал. Повернулся, взял в кольцо рук и прижал к стеклу панорамного окна. Снежана призывно улыбнулась и очертила пальцами татуировку тигра, спускающуюся с плеча на грудь – единственное, что осталось у Шерхана от Шерхана.

– Ты такой классный, как этот тигр!

Арсен взял ее за запястья и потянул вниз.

– Ты сегодня слишком много говоришь, милая. Работаем. Как раз подумай, что выберешь себе в «Бриллианте».

Девушка вспыхнула, как показалось Арсену, от удовольствия, и с готовностью соскользнула вниз. Ямпольский был не настолько недалеким, чтобы не понимать – она кайфует не от самого процесса, а от предвкушения поездки в «Бриллиант» – круглосуточный ювелирный салон. Его владельцем тоже был Ямпольский.

Девочка справилась на пять с плюсом, все-таки хорошее агентство у Бориса, видимо, в прошлый раз просто не повезло. Арсен вернул на место брюки и вызвал охрану.

Изумление, написанное на безупречном лице Снежаны, можно было с легкостью брать за эталонную меру. Наверняка та рассчитывала, что Арсен поедет с ней и лично сопроводит в ювелирку, потому как не на шутку расстроилась, узнав, что едет с водителем. И даже попыталась покачать права.

Напрасно. Уже через пять минут она ехала на заднем сиденье бронированного внедорожника, испуганная и притихшая. А Ямпольский вошел в душ и встал перед зеркалом, упершись в стену по обе стороны.

Уставился на свое отражение, скользнул взглядом по татуировке. У Шерхана, выбитого на его груди, глаза казались живыми – любовницы утверждали, что Арсен похож на своего тигра. Может, так оно и есть.

«Медвед», – вспомнилось вдруг, и уголки губ Арсена непроизвольно поползли вверх.

– Ты не тигр, Шерхан, слышал? Ты теперь медвед! – прищурился Арсен, и ему показалось, что в глазах Шерхана мелькнула усмешка.

* * *

Ямпольский улегся на перестеленную кровать и уставился в потолок. Белье сменили, пока он был в душе.

Итак, жена. Юная, красивая и особенная. В которую без ума влюблен счастливый муж.

На это должны купиться все, в особенности Грек. Хитрый, расчетливый бандит, который на самом деле никуда не делся, как и Шерхан. Он тихо сидел в теле Рината Маркелова, ожидая удобного случая, чтобы выбраться наружу.

Арсен не даст Маркелову похерить все, с таким трудом создаваемое годами. А главное, он теперь сможет отомстить. Так, как мечтал все эти годы.

Маркелова нужно убрать, и сделать это было под силу только одному человеку – жене Арсена Ямпольского. Которая пока не просматривалась даже на горизонте.

Глава 3

На третий день после –надцатого выступления Ямпольский не выдержал.

– Борис, я тебя прошу, пусть они просто ходят. Молча. Ну сколько будет продолжаться эта Песня года?

– Хорошая передача, – буркнул Навроцкий, – что тебе опять не нравится?

– Тысяча девятьсот восемьдесят пятого, Боря!

– Ладно, перерыв, – сдался тот и вздохнул, – и пожрать не мешало бы.

– Борис Альбертович... ой! – в открытую дверь с размаху влетела Эвангелина и оторопело застыла на пороге. – Извините, вы заняты. Я пойду.

– Подожди, Эва, – вырвалось у Арсена непроизвольно, и когда та с удивлением уставилась на него, он подался вперед, разглядывая девушку.

Свободная футболка с размытым принтом, как сейчас модно – то ли ухо там, то ли серьга, не поймешь. Джинсы, разодранные на коленках – Арсену всегда было интересно, эти дыры потом ползут дальше, или они все-таки чем-то фиксируются? Кожаная «косуха», на ногах ботинки а-ля морской пехотинец.

Лицо все то же, мечта почившего в Ямпольском художника, и прямые густые волосы, собранные в хвост. Вспомнилась маленькая Машка. Ну какая с этой Эвы мама? Ей лет семнадцать можно дать, не больше!

Ямпольский еще помолчал, чтобы вогнать девушку поглубже в состояние смущенной неопределенности, которую он с мрачным удовольствием разглядывал на ее лице, а потом спросил:

– У тебя есть мечта, Эвангелина?

– Есть, и не одна, – серьезно ответила Эва, и Арсену показалось, вопрос ее совсем не удивил.

– Разве их может быть много?

– Как минимум две, несбыточная и приземленная.

– Поделишься? – ему вдруг стало в самом деле интересно.

– Несбыточной нет конечно, – усмехнулась Эва.

– А приземленной?

– Париж, – ответила она очень быстро.

– Завтрак с видом на Эйфелеву башню? Кофе с круассаном? – скептически выгнул бровь Арсен.

– Можно и кофе с круассаном, – улыбнулась девушка, и в этой улыбке не было ни манерности, ни жеманства, – а потом Лувр, Версаль, музей Орсе и Пер-Лашез.

– Музей Орсе? Правда? – изумление Ямпольского было неподдельным. – И что ты там будешь делать?

– Дышать, – после небольшой заминки ответила Эвангелина, – и смотреть. Я немного говорю по-французски, так что можно воспользоваться услугами экскурсовода.

– И ты сумеешь отличить Моне от Мане? – недоверчиво уточнил Арсен.

– Это что, два разных мужика? – влез Навроцкий. – Seriously?

– Мане – люди, Моне – пятна, – хором сказали Эва с Ямпольским. Она повернулась к нему и прыснула в ладонь. А Арсен просто охренел.

– Ладно музеи, но Пер-Лашез! Что интересного может быть там для такой юной девушки? – продолжил он, и тут снова влез Борис.

– Что такое Пер-Лашез? Театр?

– Это кладбище, Боря, – объяснил Арсен, и Навроцкий ошарашенно потер лоб.

– Эпическая сила... В самом деле, Эвочка, что тебе делать на кладбище? Мне кажется, рановато, – развернулся он к девушке.

– Это не обычное кладбище, Борис Альбертович, – Эва засмеялась. Она смеялась открыто и заразительно, Ямпольский следил за ней исподлобья, – а некрополь.

– В смысле, без могилок, что ли?

– Там усыпальницы, склепы, колумбарии, – объясняла Эва, а Арсен думал. Его мысли принимали определенные очертания и уже складывались в четкий план, – для парижан это как парк.

– Какой парк на кладбище, прости Господи? – непонимающе переспросил Борис. – Надо же, сколько приходилось бывать в Париже, ни разу там не был. У меня София по этой части, и в театры меня водит, и в музеи. А вот на кладбище ни разу не отвела.

– Так съезди, Борис Альбертович, наведи порошу, присмотришься к соседям, – сказал Арсен и спросил Эву в лоб: – Ты караоке петь любишь?

Она недоуменно пожала плечами и посмотрела на Навроцкого, словно ища поддержку. Борис, начиная догадываться, вперил хищный взгляд в Ямпольского, но того уже было не останавливать.

– Спой то, что тебе нравится, Эва. Можешь без музыки.

Эвангелина подумала, достала телефон, полистала экран и положила телефон перед собой.

– Я не помню текст наизусть, – сказала, будто извиняясь.

Comme une pierre que l'on jette
Dans l'eau vive d'un ruisseau...¹

Ее голос был недостаточно сильным, а французский далеко не идеальным, но она пела с приятной хрипотцой, копируя Фриду Боккара, и от этого ее прононс казался почти парижским. Точнее, не пела, она эту песню дарила. Даже руку держала так, будто протягивает в ней что-то.

Арсен прикрыл глаза и замер. Забытые ощущения прорывались из-за тех заслонок, которые он давно поставил внутри и запер за ними все, что когда-то делало его живым.

Он забыл о чувствах, которые были доступны простым смертным и казались совсем лишними для таких небожителей, как он, – радость, счастье, любовь и даже ненависть. Он был уверен, что избавился от них давно и навеки. А теперь они грозились вырваться изнутри и затопить его по самые края.

– Довольно, – жестко приказал, и Эва осеклась, замолчала, выключая телефон.

На миг установилась неловкая тишина.

– Мечты должны сбываться, Эвангелина, даже несбыточные. Ты сможешь поехать в Париж, – сказал Ямпольский, поднимая голову и глядя на нее тяжелым взглядом.

И снова охренел, понимая, что ничего не может прочесть по лицу девушки. Ее глаза были как тихая гладь озера с лунной дорожкой. Темный омут. Ничего...

Арсен привык щелкать людей как переспелые орехи. Он слету мог вычислить слабое место каждой человеческой особи. Он с полпинка понимал, как подчинить их волю, а здесь впервые чувствовал себя безоружным. И перед кем? Перед девчонкой, едва разменявшей два десятка лет?

Арсен сдержал охвативший его гнев, но факт оставался фактом – защиту, которую выставила перед собой Эвангелина, не мог пробить его самый пронизательный взгляд.

Ямпольский весь подобрался, впервые за многие годы ему попался такой экземпляр. Он бы даже назвал ее достойным соперником, если бы она не была так молода.

---

¹ «Мельницы моего сердца», 1969, Мишель Легран, исп. Фрида Боккара

– Ты сможешь поехать в Париж, Эва, – повторил Арсен, наклонившись вперед, – если станешь финалисткой конкурса красоты.

– Я? Конкурса красоты? – она вскинулась как ужаленная. – Разве я подхожу?

– Что ты выдумал, Арсен, – забеспокоился Навроцкий, – Эву нельзя на конкурс, у нее проекты, она мой ведущий фотограф.

– Найдешь себе другого.

– Но, – Эва беспомощно оглянулась, – там нужны платья, даже несколько, для конкурсов. У меня есть, два, только вряд ли они подойдут...

– Встань ровно, – Арсен достал телефон и включил камеру, – какой у тебя рост?

– Метр семьдесят четыре.

– Отлично, – сделал несколько снимков опешившей Эвы и нажал «отправить».

– Платья будут, – сообщил он, – мой знакомый займется. Он известный кутюрье, ты останешься довольна. Как твоя фамилия? – он взял ручку и посмотрел на Эву.

– Казаринова, – ответила та и облизнула губы. Наверное, пересохла от волнения, и Арсену это тоже понравилось.

– Хорошо, иди, Эва, – кивком головы отпустил ее Ямпольский.

Взял список, дописал внизу от руки: «Эвангелина Казаринова».

– Послушай, Арсен, так нечестно, – запротестовал Навроцкий, – зачем тебе сдалась Эвангелинка? Она же не то, что те шалавы, прости, Господи, она хорошая девочка, у нее дочка маленькая. И никого из родных, кроме этого козла Бессонова. Оставь ее в покое, пусть работает, а тебе мы подберем...

– Бессонова? Она родственница Бессонова?

Весь облсовет ел у Ямпольского с рук, поэтому проблемой это точно стать не должно.

– Да, он ее двоюродный дядя, но Эва с ними не общается. А родители умерли. Не трогай ее, Арс, прошу тебя!

Арсен даже глаза прикрыл, чтобы не выдать грохочущего внутри фейерверка. Все-таки Шерхан всегда был везучим гадом, везучим и живучим. Теперь главное не спугнуть фарт, на этот раз сдавший ему все возможные козыри. У его будущей жены нет родственников, которые могли бы стать проблемой. Да!

Взял ручку и размашисто написал рядом с именем Эвы: «Ямпольская», «Казаринова» зачеркнул. А потом, не говоря ни слова, протянул лист Навроцкому. Тот посмотрел на лист и лишь вздохнул.

– Да понял я уже, понял.

* * *

Арсен вышел из машины и достал с заднего сиденья орхидеи. Лера любила их, и он каждый раз привозил ей разные. Сегодня у Леры был день рождения, и сегодня была очередь белых.

Если бы семь лет назад Арсен знал то, что узнал спустя четыре года, Лере бы сегодня исполнилось тридцать шесть, а Пашке одиннадцать. У Ямпольского был бы уже совсем взрослый сын и еще молодая и прекрасная жена. А главное, у него могла быть дочь. Может, постарше, может, совсем мелкая – как Маша, дочка Эвы. Если бы только Арсен знал тогда то, что знает сейчас.

Он свернул на дорожку, ведущую к могиле жене и сына, и еще издали увидел сторбленную фигуру. Первым порывом было выхватить пистолет и разрядить всю обойму в голову, склоненную перед роскошным памятником, который Арсен поставил своей семье. Он попал бы даже с закрытыми глазами, ладонь обожгло от желания ощутить кожей холодную сталь.

Ямпольский всегда ходил с оружием, плевать он хотел на запреты, да и попробовали бы его остановить. Но сейчас он сдержался, хоть усилия пришлось приложить немалые – Маркелов не заслужил такой легкой смерти, поэтому тигр снова должен затаиться в засаде.

– Здравствуй, Арсен.

– Здравствуй, Ринат.

Ямпольский пожал протянутую руку. Он уже полностью владел собой, Ринат не должен ни о чем догадываться. Именно поэтому Арсену пришлось ждать так долго, целых три года. Три года с тех пор, как он решился переделать комнату сына и нашел спрятанный среди детских книжек дневник Леры.

Маркелов тогда на месяц улетел в Африку. Арсен сумел справиться с бушевавшей в нем яростью, и когда они встретились, не выдал себя ни словом, ни взглядом. С тех пор дня не прошло, чтобы он не изобретал способ отомстить Ринату за семью.

Ринат любил Леру. Если бы Арсен знал об этом, он огородил бы свою семью тройным кордоном охраны. Он и так достаточно их охранял, но основной источник опасности оставался в свободном доступе.

Лера была сводной сестрой Рината. Его отец женился на матери Леры, когда та была совсем мелкой. Мать Рината вышла замуж и увезла его в столицу. Лера закончила институт, и отец попросил Рината подыскать сестре в столице работу. Вот тогда она и познакомилась со своим сводным братом и его деловым партнером.

Арсен влюбился, в нее нельзя было не влюбиться, но она долго отказывала ему, хоть он по глазам видел, что небезразличен девушке. Теперь Арсен знал, что дело было в Ринате и его ревности. Он прочел в дневнике, как тот задаривал Леру подарками и добивался ее руки. Лера уже была влюблена в Арсена, но боялась отвечать взаимностью, чтобы не злить сводного брата. Но все решилось само собой.

В тот день лил дождь. Ямпольский пролетел в джипе по луже и с ног до головы окатил идущую по тротуару девушку. Это была Лера.

Он отвез ее к себе, чтобы она высушила вещи и согрелась. Целоваться они начали еще в коридоре, несколько суток не вылезали из постели, и больше Арсен ее из своего дома не выпустил.

Маркелов заехал к нему на следующий день как бы по делу и увидел Леру в футболке Арсена. Зацелованную и счастливую.

Она тогда испугалась, Арсен видел. Но решил, что это всего лишь неловкость девушки, которую старший брат застал в постели с мужчиной. А Лера испугалась мести, и была права, вот только Арсену ничего говорить не стала.

На их свадьбе Маркелов пил не останавливаясь. В самый разгар веселья молодым доставили похоронный венок. Лера знала, кто его прислал, и снова ничего не сказала мужу. Она боялась за него, Ямпольский не задумываясь убил бы Рината и сел в тюрьму.

При любом раскладе бы сел. Проклятый договор наследования автоматически ставил его под удар, даже если бы Ринату просто упал на голову кирпич. И Маркелов не мог убрать Арсена, для таких гарантий и составлялся этот договор. Поэтому он решил убить его семью.

– Ты сегодня рано, – ровно сказал Арсен и наклонился положить цветы рядом с роскошным букетом Маркелова.

Поставил коробку с машиной на радиоуправлении. Наверное, Пашка бы с удовольствием такой играл, но теперь Арсен этого никогда не узнает.

Машина, на которой ехали Лера с Пашкой, потеряла управление и сорвалась с виадука. Водитель прожил несколько минут, пассажиры скончались от удара мгновенно. Четыре года Арсен искал виноватых. Ринат самоотверженно, одержимо искал вместе с ним, пока тот не прочел дневник своей жены.

Год Ямпольский потратил на то, чтобы осторожно, не выдав себя, найти доказательства. Руть всегда легче, когда четко обозначено направление. А потом начал искать способ отомстить. Он бесшумно выпустил воздух сквозь сцепленные зубы и выпрямился.

– У тебя никогда такого не было, – начал Ринат, и голос его звучал странно отрешенно, – что вот живешь, живешь, существуешь зачем-то, а потом оглядываешься, и готов отдать все, что у тебя есть, чтобы вернуться назад и все изменить?

– Нет, – очень спокойно ответил Арсен, сунув руки в карманы, чтобы тот не видел, как он добела сжимает их в кулаки, – я всегда готов ответить за каждый свой выдох.

– Везет тебе.

Они стояли рядом и смотрели на портрет красивой молодой женщины и маленького четырехлетнего мальчика, как две капли воды похожего на Арсена. Три года Ямпольский думал, просчитывал, взвешивал и отметал способы мести. Но теперь он знал наверняка.

Его личное изобретение – адская машина, взрывное устройство такого размера, которое можно было спрятать в тюбик губной помады. От «Хелены Рубинштейн», например, или «Герлен».

Ринату в голову не придет обыскивать любимую жену своего делового партнера. Давнего приятеля, почти друга. Жену Арсена Ямпольского – красивую, молодую, особенную. За которую тот любому перегрызет глотку.

Она сядет в машину к Маркелову – Арсен еще не знает, при каких обстоятельствах, да разве это так важно сейчас? Устройство сработает, но никто не заподозрит Арсена, скорее, под подозрение попадут охранники. Потому что Ямпольский будет любить свою жену так, что об этом будут знать даже медведи на Северном полюсе.

«Медвед»...

А вот это лишнее. Нельзя дать прорваться плотине, которая сдерживает все чувства и которая в последнее время стала часто ощущаться. Раньше Арсен о ней не вспоминал.

Он не сделает этот брак настоящим, у Ямпольского были свои представления о порядочности. Он скажет своей будущей жене правду, пусть не всю, но он не станет играть с ней в любовь. И почему ему вдруг захотелось, чтобы это была не Эва?

– Поехали, Арсен, у нас через двадцать минут встреча с Тюриным, – Маркелов расправил плечи и первым пошел к машине.

– Он за все ответит, Лера, ты же помнишь? Я обещал, – одними губами сказал Ямпольский и направился следом.

* * *

– Знаешь, Бас, когда тебя боятся, это как наркотик. Люди смотрят на тебя как на бога, и ты чувствуешь себя богом, потому что можешь делать с ними все, что угодно. Конечно знаешь, тебе ли не знать, сам такой же. Тебя боятся, и тебя от этого прет, – Арсен сидел на ступеньках, опершись локтями о колени, и смотрел на красные облака, затянувшие горизонт. Значит, будет ветрено...

Баскервиль лежал рядом и молчал. Ямпольский ценил в нем это больше всего, хоть у Баскервиля хватало других достоинств. Никто в его окружении не умел слушать так, как Бас, поэтому Арсен больше ни с кем не разговаривал. Ну чтобы подолгу.

Кане корсо серого окраса с голубоватым оттенком ему предложил забрать знакомый заводчик. Щенок-отбраковка уже тогда был вдвое крупнее своих братьев и сестер, отбирал еду у родичей, пробираясь к кормушке прямоком по их головам. Это так впечатлило Ямпольского, что он забрал щенка, не торгуясь.

Заводчик клялся, что аномальный для кане корсо рост – это случайность, а Ямпольский был уверен, что врет. Наверняка намешано в щенках кровей – видать, там родословные клепают в соседнем подвале.

В чем бы ни была причина, Баскервиль в холке был раза в полтора больше положенных стандартов. И в длину был больше, и весил, как хороший теленок. Но несмотря на свои габариты и устрашающую морду, Ямпольского он принял за главного сразу и безоговорочно ему подчинился.

Нрав у Баскервиля был точь-в-точь как у хозяина – тяжелый и скверный. Поэтому жил он в отдельном вольере, больше напоминавшем однокомнатную квартиру, в самой дальней точке поместья Ямпольского. Зато они хорошо понимали друг друга.

Подпускал пес к себе только трех из тридцати шести обслуживающих поместье Арсена, и на взгляд Ямпольского, это был отличный процент доверия. Гораздо более высокий, чем люди того заслуживают.

В этом псу повезло больше, чем Арсену. Полностью довериться в этом мире Ямпольский не мог никому, кроме разве что Баскервиля. Но Бас не человек, значит, процент доверия к человечеству у Арсена равнялся нулю. Поэтому о том, для чего ему нужна жена, – молодая, красивая, особенная – не должен был знать никто.

Арсен протянул руку и потрепал лежащую рядом собаку по загривку. Широкая грудная клетка, мускулистая грудь и спина напоминали Ямпольскому его самого.

Иногда ему казалось, будь Баскервиль человеком, они могли сойти за братьев-близнецов. И неизвестно, в чем было бы больше сходства, в мышечной массе или в звериной сущности обоих.

– А еще они думают, что от них что-то зависит, представляешь?

Баскервиль, наверное, такого не представлял, поэтому глухо ухнул несколько раз, отчего тут же в небо взметнулась стайка птиц. Арсен пожалел, что под рукой нет фотоаппарата. Забавно было бы их заснять на фоне устрашающей морды Баскервиля.

Вспомнилась Эва, точнее, ее работы. В них определенно прослеживался особенный, отличный от других стиль. Ее работы «цепляли», такое Арсен наблюдал у очень немногих. В мире их на пальцах можно было пересчитать, включая его самого.

– Она умеет выбрать ракурс, – объяснил Арсен Баскервилю в ответ на его немой вопрос, и тот несколько раз глухо рыкнул в знак согласия. – А еще знает, чем Мане отличается от Моне. И она не слушает эту тошнотную современную музыку.

Пес слушал, положив голову на лапы, и лишь моргал.

– Эти претендентки, ты бы их видел! У них в глазах счетчики щелкают и крутятся как сумасшедшие. Может, мне тебя взять на конкурс, а, Баскервиль?

Снова глухое рычание в ответ.

– Думаешь? – взглянул на него Ямпольский. – Ну ладно, как скажешь.

Он скормил псу последнюю полоску сушеной говядины и поднялся, отряхивая джинсы.

* * *

Ямпольский в окружении охраны шел по коридору ночного клуба «Прайм-тайм», где уже через полчаса должен был начаться конкурс красоты «Мисс Идеал». Масштабная рекламная кампания заставила говорить о конкурсе весь город. Освещать мероприятие прибыли представители ведущих городских СМИ и телевизионных каналов.

Конкурс, спонсором которого выступила компания «Индастрил Инвест», был инициирован модельным агентством «Elit Models Lux». Победительница конкурса становилась лицом компании и награждалась поездкой в Париж. Кроме того, ходили слухи, что призовой фонд конкурса составляют просто баснословные суммы.

Конечно, слухи пустил Борька и пустил их специально. Но разве могло быть по-другому, когда в жюри председательствует миллиардер Ямпольский? Арсен в самом деле не поскупился, причем номинаций было много.

Пускай, девочки заслужили. А с победительницей он разберется сам.

Внезапно захотелось ее увидеть. Ямпольский круто свернул с намеченного маршрута, и охрана безмолвно повернула следом.

– Узнайте, где Казаринова, – распорядился Арсен, и уже через минуту стоял перед рядом комнат на втором этаже, где обычно устраивались гримерки для приглашенных артистов или готовились к выступлению танцовщицы. – Позовите ее.

Она наверняка не одна, не вламываться же ему вместе с охраной к переодевающимся девушкам. Там еще визажисты, парикмахеры...

– Арсен Павлович, вы? – Эва стояла в дверном проеме и с удивлением смотрела на Ямпольского. А у того вдруг захватило дух.

Ей удивительно шел желтый цвет. Платье струилось по ногам, расширяясь к низу и делая ее похожей на диснеевскую принцессу.

– Я пришел пожелать тебе удачи, Эва, – вышло хрипло, потому что голос почему-то сел.

У Арсена появилось странное чувство, что они познакомились не сегодня, что они знакомы давно, просто только сейчас встретились.

Ее лицо, потрясенное и слегка встревоженное, вызывало смутные ощущения, будто где-то они виделись. Возможно, в прошлой жизни. Оттого сейчас эта тоненькая девушка казалась удивительно близкой.

Нужно уходить, пока он не выдал себя и не сморозил глупость. Ямпольский сделал шаг назад к отошедшей на почтительное расстояние охране.

– Спасибо вам, – она перебирала пальцами складку платья, а Арсен думал, как ему нравятся ее руки.

– Я буду болеть за тебя, – улыбнулся левым уголком рта и, оставив опешившую девушку в полном недоумении, направился в сторону лестницы.

В ВИП-кабинете, здесь же, на втором этаже, ждет корзина белых роз. Следует подписать карточку, и охранник доставит букет по назначению. Арсен представил лицо Эвы, когда она прочтет записку, и снова у него участилось дыхание.

Определенно, Навроцкому следует подкинуть акций холдинга. Он заработал и за конкурс, и за Эву. Ямпольский прошел в свой ВИП, розы были роскошными.

– Арсен Павлович, там только вас ждут, – встал в дверях охранник.

– Иду, Леша.

Ямпольский достал ручку и размашисто написал на картонном прямоугольнике с вензелями: «До встречи в Париже». Вложил в розы, кивнул Алексею на корзину и направился к выходу.

Глава 4

Три года шесть месяцев назад

Эва праздновала освобождение. Она сама не думала, что будет так радоваться убогой клетушке, которую они сняли напополам с Ирккой, университетской подружкой и одногруппницей. Вот правда. Ее и квартирой-то назвать после бессоновских хором язык не поворачивался. Зато у каждой будет отдельная комната. Это Эва настояла. Пусть дороже, но квартиру они сняли двухкомнатную.

Она отметила свое восемнадцатилетие с Ирккой кофе и десертом, а затем девушки отправились осматривать предлагаемые варианты сдаваемых в аренду квартир. Хотя Петр Станиславович и обещал помощь, Эва решила обойтись без него.

Каждый месяц из родного города ей приходила арендная плата, которую дополнял пусть копеечный, но собственный доход от размещения фотографий на стоках. Так что Эва чувствовала себя богачкой. И только когда приехало такси, чтобы перевезти ее не слишком впечатляющий багаж, Бессоновы спохватились.

– Прости, детка, я так замотался с этими выборами, что совсем забыл о твоём дне рождения, – покаянно бил себя в грудь дядя, и даже Бессонова смотрела почти виноватым взглядом.

– Все хорошо, Петр Станиславович, мы ведь так и договаривались. Пройдут выборы, и я съеду, – успокаивала его Эвангелина.

– Ладно тебе причитать, пап, – закатила глаза Алена, – ну забыли, с кем не бывает. Эвка не в обиде, а подарки никогда не поздно подарить. Мы с ней в «Беладжио» сходим или в «Перегрин», куда ты хочешь, Эва?

– Мы можем устроить барбекю в нашем загородном доме, – проявила неслыханную щедрость ее мать, и Бессонов с энтузиазмом поддержал жену.

Эве никуда не хотелось идти, особенно с Аленой. Да и неудивительно. Мало кому нравится ощущать себя неуклюжим глиняным горшком, выгодно оттеняющим хрупкость и элегантность изящной вазы. А Эвангелина возле Алены именно так себя и ощущала. Утешало лишь то, что рядом с тонкокостной и эфемерной Аленой мало кому удавалось изображать породистую аристократию.

Но когда Алена забывалась и, по выражению подружки Ирки, «снимала корону», с ней было можно вполне сносно поболтать. Надо ли говорить, что между парой часов в компании троюродной сестры и испорченным выходным в обществе всего семейства Бессоновых Эвангелина безоговорочно предпочла Алену.

Они уже час сидели в «Беладжио», и Эва украдкой посматривала на часы. Еще минут сорок, и со спокойной совестью можно потихоньку начинать сворачиваться. А там пока принесут счет, пока приедет такси, и время, отведенное для праздничного ужина, закончится.

– Макар? – удивленно взлетели идеальные брови на безупречном лице, а у Эвангелины почему-то быстро-быстро застучало сердце.

В грудь будто залили кипяток. Там вмиг стало горячо и тесно, щеки вспыхнули, и, наверное, уши тоже окрасились красным. Хорошо, что волосы длинные. Если опустить голову, то и лицо можно частично прикрыть.

– Привет, Алена, – услышала она низкий голос и даже дыхание затаила, – я мимо ехал, увидел твою машину.

– Да, мы здесь с Эвой отмечаем ее восемнадцатилетие, – Эва поражалась, как может так меняться человеческий голос. Только что Алена говорила вполне обычно, а теперь ее речь переливалась, будто жемчужинки сыпались. – Знакомся, Мак, это моя сестра Эвангелина. Троюродная, – добавила поспешно.

– Сестра? Что ж, поздравляю, восемнадцать лет – это шикарно.

Эва сама не понимала, что с ней творится, но удушливая волна не отпускала. Она осторожно выдохнула воздух через крепко стиснутые зубы и заставила себя поднять голову.

Такого не может быть, так не бывает. Эва ошеломленно смотрела на стоящего возле них молодого человека и не смела шевельнуться. Ее будто парализовало. Она ничего не видела перед собой за исключением того, кого Алена назвала Макаром.

Эву будто намертво приклеило к нему – взглядом, конечно. Но было еще что-то, что заставляло цепляться пальцами за пальцы, изо всех сил стараясь подавить лихорадочную дрожь. А ведь у нее и рассмотреть его толком не получалось, он даже не повернулся в ее сторону.

Он упирался одной рукой о стол, а другой о спинку стула и так смотрел на Алenu, что у Эвы внутри все сладко сжималось. Она даже думать боялась, что стало бы с ней, если бы он на нее ТАК посмотрел. Эва тогда точно бы сознания лишилась.

От Макара будто толчками расходились волны чего-то очень мужского, совсем ей неизвестного. Волны невидимые, но такие ощутимые, что оставалось лишь удивляться, почему они не действуют на Алenu. По крайней мере, она и виду не подает.

На официантку вон точно действуют, судя по ее идиотскому выражению лица. Это что, и у нее такое же? Если да, то лучше застрелиться. Но как можно стреляться, если тут просто пошевелиться не получается? Волны одна за другой прошивали Эвангелину и стекали вниз по позвоночнику, а вот Алена сидела как ни в чем ни бывало. Эва даже позавидовала.

– Эвка, знакомься, это Макар, у него тоже скоро день рождения, юбилей! – Алена снова журчала, пересыпая жемчужинками, и смотрела на Эвангелину.

Зато Макар и головы не повернул в ее сторону. Может, и к лучшему, потому что она и звука не могла выдавить.

«Макар, это наша домашняя зверушка Эвочка, мы ее на помойке подобрали. Хочешь погладить? Не бойся, от блох и паразитов ее обработали...»

– Ты приедешь, Аленка? – наверное, будет совсем невежливо попросить Макара замолчать? Ну никаких сил нет слушать этот пробирающий до дрожи хрипловатый голос. А он, как назло, продолжал: – Мы собираемся за городом, у меня в доме.

– Не хочешь отмечать в ресторане? – как у нее получается так владеть собой, для Эвы было непостижимой загадкой.

Волны Макара уже достигли противоположного конца зала, оттуда призывно смотрели две эффектные барышни. У Эвы было ощущение, что, дай им команду, они с радостью выпрыгнут из своих люксовых шмоток, включая нижнее белье. Стоит Макару только поманить.

Но он на них и не глянул, протянул руку и очень нежно заправил Алене за ухо свисающую прядь. Эву как током ударило, как будто это ее он коснулся. И тут же некстати подумалось, что было бы, если бы Макар прикоснулся к ней. Наверное, тогда кома была бы самым предпочтительным исходом.

– Не хочу. Все уже предупреждены. Так ты приедешь?

– Приеду. О, мы с Эвкой вместе приедем! Ты поедешь к Макару на дачу в эти выходные, Эва?

И тогда он впервые посмотрел на нее. Пусть лишь мельком скользнул взглядом, Эве было все равно. Главное, посмотрел.

Она вновь сцепила пальцы, умиряя дрожь, и даже выдавила некоторое подобие улыбки. Вот только Макар улыбки не дождался, повернулся к Алене, зато Эва успела его, наконец-то, рассмотреть.

Глупо было ожидать, что мужчина, способный одним своим присутствием внести такое оживление, – если не сказать, умопомрачение! – на нескольких десятках квадратных метров, будет иметь заурядную внешность. Но не до такой же степени!

Его лицо было красиво той мужской красотой, которая так и просилась на знаменитый календарь с австралийскими пожарными. Своему телу Макар наверняка уделял немало времени, так что австралийские пожарные могли спокойно удивиться от зависти.

И это он был всего лишь в футболке и джинсах! Но Эве было вполне достаточно. Как и официантке. Как и тем двум барышням в углу. Одной Алене нипочем.

Серые глаза пронзили Эву насквозь. Макар попрощался и пошел к выходу, и только тогда отступил удушающий вал, который не давал ей даже нормально вдохнуть.

– Что, понравился Макар? – понимающе взглянула на нее Алена. – Он всем нравится.

– Так, ничего, – выдавила Эва, понемногу начиная возвращаться к жизни. – А тебе?

– И мне. Он в меня влюблен уже сто лет. Он в восьмом классе был, а я в пятом, мы в одной школе учились. Он и сейчас по мне сохнет. Каждый раз замуж зовет.

– А ты? – Эва говорила односложно. Пересохшими губами непросто было выдавать заумные фразы.

– Я не вижу с ним перспектив. Пить хочешь? – Алена сжалилась над сестрой и попросила официантку принести бутылочку воды. А потом пояснила, глядя на непонимающую Эвангелину: – Он с отцом поругался, когда тот бросил его мать и женился второй раз. Она очень переживала, пить начала, умерла, когда он школу закончил. Макар с отцом не общается, сам бизнес поднял, его мать тоже не из нищенок была.

Эва пропустила шпильку мимо ушей. В конце концов, это Алена, она вполне могла сказать не нарочно. То, что это прозвучало бестактно и прямым текстом указывало на саму Эву с ее мамой, ее в принципе не волновало.

Когда умерла мама, Эве до восемнадцатилетия оставалось меньше полугода. Некоторое время она находилась под попечительством местного опекунского совета. Ей было абсолютно безразлична собственная судьба, она очень тяжело переживала смерть мамы.

Откуда взялся Петр Бессонов, двоюродный брат матери, Эва понятия не имела, но тот взялся. В короткий срок оформил опекунство и увез ее из родного города в столицу.

Конечно, Эва могла отказаться от переезда, тем более, что раньше никого из Бессоновых она в глаза не видела, но... Было тяжело оставаться в квартире, где все напоминало о маме, ходить по улицам, по которым та уже никогда не пройдет. От просиживания целыми днями на кладбище Эву спасали только холода. Это было больше похоже на бегство, чем на отъезд, и она бежала, даже не сопротивляясь.

Бессонов организовал перевод в один из столичных вузов на ту же специальность, на которой она училась в родном городе. Местным риэлторам поручил сдать квартиру в аренду, и Эва сразу объявила, что уйдет жить в общагу. Тогда дядька и признался ей чистосердечно, для чего все это затевалось.

Приближались выборы в городские органы власти. Бессонов собирался баллотироваться в депутаты, и история с бедной родственницей-сиротой очень помогла бы придать создаваемому для избирателей образу нужный оттенок доброты и отзывчивости.

Дядька Эве нравился, особенно на фоне своей вечно кривящей губы жены, и она согласилась. Договорились, что Эвангелина проживет у Бессоновых до выборов, поучаствует в различных пиар-акциях – или правильнее говорить предвыборных мероприятиях? А потом тихо съедет на съемную квартиру. Бессонов обещал подогнать как минимум апартаменты в центре.

Эва свои обязательства выполнила, даже дала несколько интервью, рассказывая какой Петр Станиславович замечательный человек. Бессонов пахал на достижение цели как проклятый. Таскался по округу, встречался с избирателями, выслушивал жалобы и раздавал обещания. Семья его всячески поддерживала, и на фоне этого восемнадцатилетие Эвы прошло незамеченным.

Вообще, сказать, что Эву обижали Бессоновы – бессовестная ложь. Не обижали. Петр Станиславович тот вообще так старался вжиться в роль, что сам на время поверил во внезапно

проснувшиеся родственные чувства. Эва даже испугалась. Спасибо Наталье Георгиевне, вот кто в этой семейке никогда не терял ни головы, ни присутствия духа.

Наталья Георгиевна так старательно демонстрировала полное отсутствие не просто родственных, а каких бы то ни было человеческих чувств, что с первого же дня запустила в голове у Эвангелины счетчик обратного отсчета.

Никто в мире, наверное, не ждал так своего восемнадцатилетия, как Эва. Ей еще повезло, что избирательная кампания к тому времени завершилась. Петр Станиславович был благополучно избран депутатом, и у семьи Бессоновых в Эве отпала всякая необходимость.

Дочь Петра Станиславовича Алена была старше Эвы на четыре года, но отнеслась к троюродной сестре вполне терпимо, если не сказать приветливо. И только Наталья Георгиевна неизвестно за что возненавидела Эвангелину с первого взгляда.

Эва налила в стакан воды и залпом выпила. Сразу будто второе дыхание открылось, и говорить стало легче.

– Ну так не бедный парень, что тебе не так?

– Его отец миллионер! Он землей торгует, у него по всему миру земля есть, я слышала, вроде даже приисками какими-то владеет.

– Так ты хочешь выйти замуж за его отца? – не поняла Эва. Алена закатила глаза.

– Ты или тупишь, или притворяешься! Я хотела, чтобы он помирился с отцом, тот же его наследства лишил из-за ссоры. Во втором браке у старшего Демидова дочь, ему бизнес надо кому-то передавать, у него сердце слабое.

– Надо было с первой женой жить и по молодым не бегать. И сердце целее было бы, и с сыном бы не разругался, – рассудительно заметила Эва.

– Так не бывает, – махнула Алена рукой. – Как только у мужчины появляются деньги, сразу хочется жену помоложе. Знаешь, сколько у отца баб? Это мать такая, что ее не бросишь, да и любят они вроде друг друга...

Эва с неожиданным уважением подумала о старшей Бессоновой, а затем ее пронзила неожиданная догадка. Не ревнует ли Наталья Георгиевна мужа к ней, к Эве? Или, может, она считает, что Эва его дочь? Откуда-то взялась такая неожиданная родня? Мама с Петром Станиславовичем и не общались вовсе.

– Так что, поедешь к Маку на день рождения? – оторвал ее от раздумий нетерпеливый голос.

– К кому?

– К Маку. Мы так Макара называем. Понимаешь, – Алена замешкалась, – я там буду не одна. Мак не знает, что я с Русланом встречаюсь, не хочу, чтобы это стало проблемой. Мы в одной тусовке, Руслан его друг...

– Хорошо, поеду, – губы непроизвольно сами заговорили, а ведь она уже сочинила крутую отмазку, что у нее есть заказ на фотосессию, и его срочно нужно выполнить за выходные, – только я без подарка.

– Без проблем, – Алена прищурилась, оглядела Эву и отчего-то засмеялась, – будет ему подарок!

Глава 5

– Ты что, не выпалась? – Алена бросила смешливый взгляд, и Эва отвернулась.

Конечно, не выпалась. Выспишься тут, когда перед глазами кривая полуулыбка стоит, и от одних воспоминаний до судорог в пальцах прошибает.

Эва сразу решила для себя, что никуда не поедет, была в этом уверена вплоть до субботнего утра. И, как оказалась в машине на переднем сиденье, сама не поняла.

Теперь таращилась в окно под ехидными взглядами Алены, которые та периодически бросала на нее, сидя за рулем роскошного внедорожника, и едва сдерживалась, чтобы не выскочить на ходу. Хотя в глубине души знала, что поедет. Что не хватит у нее духу отказаться. Даже сумку заранее собрала.

Там все на крутых машинах приехали. Ну так мажоры же, не на Ланосах им ездить и не на такси. Эва осмотрела парковку, и сердце екнуло при виде стоящего крайним справа автомобиля цвета мокрого асфальта. Он словно приготовился к прыжку, да нет, к взлету, распластав крылья и хищно сощурившись, как... Как его хозяин.

– Макар уже здесь, как думаешь? – делано равнодушным тоном спросила Эва.

– Да, вот же его машина. «Феррари». Наш Мак не ездит, а летает, – Алена указала подбородком на хищника асфальтового цвета, и Эва только вздохнула.

Она что, теперь все так будет угадывать?

Дача ввела Эву в ступор. Если этот музей считается дачей, то как выглядит его столичное жилище? И зачем за городом два этажа? У Бессоновых в столичном доме было два этажа, и Эве их дом казался пустым и огромным.

Алена не слишком охотно вводила Эву в свой «мажористый» круг, хоть отец ее и просил. Она сама как-то случайно услышала. Поэтому знатоком столичного вип-жилья Эва точно стать не успела.

Однако внутри дом выглядел вполне уютно. От музея здесь был только просторный холл, по итогу оказавшийся огромной гостиной с камином и широкими вместительными диванами.

Макар встречал гостей на пороге. При виде Алены его взгляд будто зажегся. Та вручила ему коробку с подарком, и на Эву никто даже внимания не обратил.

Эва забыла спросить, что было в коробке. Алена наотрез отказалась от ее участия в подарке, потому она и не стала расспрашивать.

Макар с Аленой поцеловались, он перехватил ее сумку, а потом, наконец, увидел Эву. Так удивился, как еще не спросил «кто это?» Но сдержался, может, вспомнил о подобранной на помойке зверушке? Или, скорее всего, ему просто было все равно – одним гостем больше, одним меньше.

Он относительно приветливо кивнул и повел девушек выбирать комнату. Поздравление с днем рождения, которое Эва репетировала всю неделю, так и осталось невысказанным. В тысячный раз за утро пожалев, что не осталась в городе, она поплелась по лестнице на второй этаж.

Он привел их в светлую гостевую спальню с панорамными окнами, выходящими на лес, – теперь Эва понимала, зачем в доме два этажа. А ну-ка разместить такую уйму гостей, причем которых на матрасе на пол не положишь.

Макар что-то негромко говорил Алене, та улыбалась, а Эве было так тошно, что она готова была отправиться обратно пешком хоть сейчас. На что она рассчитывала, когда соглашалась ехать? Что Макар вдруг очнется и обратит на нее внимание? Особенно когда рядом Алена! Оказывается, Эва не удержалась и хмыкнула, потому что Макар с Аленой удивленно на нее посмотрели.

– Устраивайтесь, девочки, и спускайтесь вниз в беседку, – Макар для разнообразия посмотрел на Эву, в третий раз за все время, и вышел из комнаты.

– Он так на тебя смотрит, – не выдержала Эва, когда за ним закрылась дверь.

– На меня так многие смотрят, я привыкла, – Алена плюхнулась на кровать, Эва осталась стоять у окна и смотреть на лес, – но согласна, Макар классный, он мне тоже нравится. А если послушать других, он в постели уровень «бог». Что ты так краснеешь? – засмеялась она, а Эва почувствовала, как запылали щеки.

– Почему слухи? Ты... вы... с ним...

– Трахались? – подсказала Алена, явно получая удовольствие от Эвиного смущения. – Нет. Хотя честно признаюсь, порой мне трудно удержаться. Он слишком... притягателен!

– Что же тебя останавливает? – Эва как могла старалась не допустить ревностных ноток в голосе.

– Понимаешь, Макар, он такой... В общем, он слишком последовательный. Если Мак в отношениях, он своей девушке не изменяет. Но если это просто секс, то у него правило: только на один раз. Второй раз мало кому удавалось его заманить в постель. И я не могу так рисковать. Если мы переспим, то он меня не отпустит, а я уже говорила тебе, что не вижу себя с ним рядом.

– Все у тебя разложено по полочкам, – покачала головой Эва. – А как же любовь?

– Влюбленным должен быть мужчина, женщине достаточно позволять себя любить. Эвка, а у тебя был мужчина? – спросила она вдруг, прищурившись, и безо всякого перехода. Эва не успела сориентироваться и снова покраснела. Алена удовлетворенно кивнула. – Я так и знала!

– Какая тебе разница, – пробормотала Эвангелина, пряча глаза, но потом все же не утерпела. – А у Макара много было?..

– Баб? – уточнила Алена. – Да полно!

– Нет, не этого. Отношений.

– Он всего раз или два с кем-то относительно долго повстречался. Но, насколько я знаю, с ним в его в квартире никто не жил. Слушай, сестра, – Алена снова прищурилась, – у тебя слишком искаженные представления об отношениях мужчины и женщины.

– Какие есть, – пожалала Эва плечами.

– Надо срочно исправляться. Тебе следует переспать с мужчиной, – Алена привстала на локте, – только с таким, чтобы дух захватывало. Тогда все пройдет как надо. Хочешь с Макаром? Я могу помочь.

– Ты с ума сошла? – Эва даже отскочила, казалось, к лицу прихлынула вся кровь. – Он же меня не любит!

– Ты все время путаешь понятия «любит» и «хочет», – недовольно покачала головой Алена. – Вот я его не люблю, но хочу, а он наоборот. Тебя не любит, но может захотеть, если не будешь душой.

– Нет, – решительно мотнула головой Эва, – давай прекратим этот глупый разговор, иначе я прямо сейчас уеду домой. Мне не нравится Макар, мне не нужен ни он, ни кто-то другой. И без твоего участия я тоже обойдусь.

– Не хочешь, как хочешь, я же просто предложила, – примирительно проговорила Алена. – Ладно, не дуйся. В конце концов, он на тебя еще вряд ли поведется, так что проехали. Пойдем, нас уже ждут.

Эва шла за Аленой и прижимала к горящим щекам ладони в надежде их остудить. Внутри нее все продолжало возмущенно пылать, но в самой глубине, где-то совсем глубоко, тихий голос шептал, что Алена права. И, если бы Макар вдруг сошел с ума и пожелал ее, у Эвы не хватило бы ни сил, ни желания его оттолкнуть.

* * *

Обойдя ухоженную территорию, Эва поняла, почему Макар пригласил гостей сюда. Дома в поселке строились на довольно большом расстоянии друг от друга, его дом был самым крайним и заходил почти в самый лес. За домом со стороны леса виднелось внушительное строение – это и была беседка-барбекю, о которой говорил Мак. Сейчас там было полно народу.

– Знакомьтесь, это Эвангелина, – представила ее Алена, – можно Эва.

Эва чувствовала себя экспонатом в музее. Правда, особого резонанса ее появление не вызвало, некоторых девушек из их тусовки Эва знала, пересекались, пока она жила в доме Бессоновых. Но большинство, особенно это касалось парней, было ей незнакомо.

– Почему Эвангелина, а не Евангелина? – спросила высокая блондинка, отбрасывая волосы на спину. – Кажется, так правильно?

– Да, правильно, – подтвердила Эва и уже тише добавила, – но так мама захотела...

К счастью, ее не услышали, или просто не стали дальше развивать тему. Спросили, что она будет пить, а когда сказала, что ничего, и вовсе оставили в покое. Эва обнаружила в углу кофемашину. Благо, обращаться с ней она научилась в доме дяди, так что решила сварить себе кофе.

– Мне можно тоже? – услышала за спиной голос, от которого тут же затряслись руки. Она даже глаза прикрыла.

– Тебе какой? – Эва сама не узнала свой голос, так надтреснуто он прозвучал.

– Двойной эспрессо, – ответил Макар, а потом спросил, наклонившись почти к самому уху, и от его дыхания позвоночник прострелило шаровой молнией: – Ты не знаешь, почему Аленка такая дерганая?

«Потому что сейчас приедет Руслан, она спит с ним и боится, как ты отреагируешь».

Вслух Эва этого не сказала, да и незачем было. В беседку уже входил темноволосый молодой человек с коротко стриженной бородкой. Руслан. Эва видела его два или три раза.

Он подошел к Алене, поцеловал поцелуем, не оставляющим сомнений в уровне интимности их отношений, а затем, не выпуская ее из объятий, протянул Макару руку.

– С днем рождения, брат!

В беседке установилась тишина. Все смотрели на виновника торжества, Алена испуганно моргала. Эва замерла, вцепившись в чашку. Макар медленно отпил кофе, а затем пожал протянутую руку.

– Спасибо, Рус, – и улыбнулся.

* * *

Весна уже явно собиралась на покой. Майская теплынь со дня на день грозилась смениться летней духотой, а пока солнце пробивалось сквозь листву и приятно согревало оголенные плечи. Эва порадовалась, что надела футболку со спущенными плечами, теперь можно даже немножко позагорать.

Она шла по лесу и счастливо улыбалась. У нее получилось незаметно, по стеночке, выскользнуть из беседки, сбегать в дом за фотоаппаратом, а потом, никем не замеченной, пробраться за территорию дома в лес.

Будто тонну груза с себя спихнула, так стало легко и свободно дышать. Что поделать, если она чувствует себя совсем чужой в той компании? За исключением Макара.

Эва не понимала, почему, как так получается, что все его чувства проходят сквозь нее как сквозь улавливающие экраны. Или дешифраторы. Она потому и сбежала, что слишком

тяжелым оказался тот сгусток злости и ревности, угнездившийся в груди мужчины, который за эти несколько дней сделался для нее так пугающе небезразличен.

Хотя внешне Мак держался отменно. Когда Эва уходила, они как раз выпивали с Русланом. Пили пиво, крепкие напитки оставили на вечер. Она случайно услышала, как Алена сбивчиво шептала подруге, – Инге, кажется, – что после ее расставания с предыдущим парнем Макар не давал ей прохода и был твердо уверен, что на этот раз она будет с ним.

Такой разговор не добавил Эве радости, и теперь она чувствовала себя заключенным, вырвавшимся из тюрьмы на волю. Кадр за кадром щелкала понравившиеся ракурсы, ей даже ежик попался! А еще птица, довольно крупная, с ярким опереньем. Эва поначалу решила, что это попугай.

Ну а что, попугай не может сбежать из клетки? Тем более поселок небедный, его жители вполне в состоянии содержать целые зоопарки, не то что, попугаев.

Но птица улетела, отказавшись позировать, и так и осталась неопознанной. Эва попыталась ее догнать. Вдруг та просто решила перелететь на соседнее дерево?

Она не сразу поняла, что заблудилась, ей даже почудились крыши домов за деревьями. Но это оказались не крыши, а густой кустарник, которого возле дома Макара точно не было. И связи не было.

Эва оббежала немалый круг, подняв телефон вверх. Глухо. Самое обидное, что и лес был не то чтобы непроходимые чащи – обычные деревья. Дубки, осинки, не слишком высокие. На них даже нельзя было влезть, чтобы сориентироваться, где она находится.

Как скоро ее хватят и хватятся ли вообще? Алена вся в своей новой любви, а остальные вряд ли вспомнят о ней, хотя, может, она и несправедлива к сестре. А вдруг ее уже ищут? И не могут найти? Липкий, холодный страх пополз по позвоночнику и пробрался к желудку.

«Надо звать на помощь!»

– Эй! Э-э-э-эй! – завопила Эва изо всех сил, вытирая непроизвольно выступившие слезы.

Стало очень страшно. Солнце уже не прыгало по листве солнечными зайчиками. Это сколько она пробродила в лесу? Несколько часов так точно. Скоро стемнеет, неужели ей придется здесь заночевать? Страх придал силы, Эва вдохнула побольше воздуха и крикнула:

– Эй, есть кто-нибудь?

– Кто тут шумит? – зашелестел кустарник, тот самый, что тянулся через весь лес. И когда оттуда показался мужской силуэт, Эва не сдержалась.

Всклипнула и бросилась навстречу, размазывая по щекам слезы. На шею бросаться, конечно, не стала, но в локоть вцепилась.

– Эвангелина? Ты как сюда попала? Ты что, за мной шла? – он был не то что удивленным, скорее обалдевшим.

– Я заблудилась. Как хорошо, что ты меня услышал! – забормотала Эва, лихорадочно моргая и отпуская локоть парня.

Не хотелось выглядеть заплаканной малолеткой, потому что перед ней, глядя с недоверчивым прищуром, стоял Макар.

Глава 6

– Заблудилась? Как здесь можно заблудиться, мой дом отсюда не так далеко, – Макар удивленно ее разглядывал, и она совсем стушеввалась.

– Да? Ну хорошо, ты мне просто скажи, куда идти...

Он оборвал ее, взяв за руку, и снова заглянул в лицо.

– Чего зареванная такая? В самом деле заблудилась?

Эва кивнула и закусила губу, чтобы снова не разреветься, на этот раз от стыда. Она правда плутала в трех соснах? Или, скорее, осинках? Если Макар сейчас поднимет ее на смех, она этого точно не переживет, но тот смеяться не собирался. Осмотрел ее с ног до головы, продолжая держать за руку.

– Давно бродишь?

Эва кивнула, он указал куда-то себе за спину.

– Поселок там. Здесь за кустарником речка. Тут полчаса идти максимум, ты по кругу, видать, ходила.

– А почему связи нет? – она подавила всхлип и показала на телефон.

– Потому что антенна дохлая, и телефон дрова. Тебе что, Бессоновы не могли нормальный телефон купить?

– Это мама подарила, – сказала Эва, и Макар замолчал. Она аккуратно высвободила руку. – Я пойду. Скажешь, как мне дойти до поселка?

– А если снова заблудишься? – он взял ее за плечо и развернул в сторону речки. – Нет, идем со мной, я окунусь, а ты подождешь. Обратно вместе вернемся. Не хочешь искупаться?

– Я? Так я же без купальника!

– Прикинь, я тоже! – он засмеялся и подтолкнул ее вперед, она только успевала переставлять ноги.

В ушах гулко ухало, сердце билось так часто и громко, что Эва опасалась, как бы не услышал Макар. Внутри играл настоящий оркестр.

Он! Идет! С ней!

Он позвал ее с собой, смотрел на нее, держал за руку, это же птичкануться можно!

Теперь Макар шел впереди, разводя руками ветки, а она спешила следом и любовалась широкой спиной и крепким загорелым затылком. Как бы удержаться и не запищать от радости?

Кустарник вдруг закончился, и они вышли на крутой берег, который резко обрывался, нависая над неширокой речкой.

– Здесь глубоко? – спросила Эва, млея уже оттого, что может вот так просто задать ему вопрос, пусть даже самый обычный.

– Попробуй, узнаешь, – усмехнулся Макар, – или ты плавать не умеешь?

– Умею.

– Так пойдем.

Она обхватила себя руками, с опаской глядя на Макара. Тот снова ухмыльнулся и сбежал вниз по протоптанному спуску. Эва подождала и тоже спустилась к реке.

Узкая полоска у воды была выложена досками. Макар начал раздеваться, а она несмело примостилась с краю, подобрал ноги.

– Я здесь очень редко бываю. Думал бассейн во дворе построить, но пока он не особо нужен. Потому на реку хожу, тут вода чистая, – сказал Мак, складывая джинсы, а потом добавил: – Мне от матери дом достался.

Его мать умерла, когда он только закончил школу, вспомнила Эва. Наверное, потому Мак не стал больше потешаться над ее стареньким телефоном, и от этой мысли стало вдруг

тепло. А потом она отвернулась, краснея – Макар разделся донага и, абсолютно не стесняясь, направился к воде.

– Точно не пойдешь? – обернулся он к Эве, та, не поворачиваясь мотнула головой.

Макар с разбега нырнул и исчез под водой, и только тогда она смогла поднять голову. Он плыл красивым баттерфляем. Эва откровенно любовалась отточенными движениями и искренне не понимала, какие могут быть Русланы, да кто угодно, когда на свете есть Макар.

Он вышел из воды, и Эвангелина тут же чрезвычайно озаботилась ползущим по травинке жуком. Макар уселся на доски, подставляя лицо солнцу. Бросил насмешливый взгляд на старательно отворачивающуюся Эву, взял футболку и набросил на бедра. Прикрыл глаза и застыл, похожий на античную статую. Теперь она могла вдоволь на него насмотреться.

Эва разглядывала смуглую загорелую кожу, – когда успел загореть, лето только началось, или уже слетал на моря? – капельки воды, усеивающие рельефное тело, и внутренне замирала, представляя, как собирает эти капли губами...

– Ты что, никогда голого мужчину не видела? – спросил, не открывая глаз, Макар.

– Видела, конечно, – фыркнула Эва, заливаясь краской. Она безбожно врала, где ей было видеть, особенно вблизи, особенно настолько совершенного...

– А чего тогда смотришь так?

– Сфотографировать хочу. Можно?

– Зачем? – удивился Макар и даже глаз приоткрыл.

– Я ничего тебе не подарила. Кстати, с днем рождения! – когда он не смотрел, говорить было намного легче. Эва очень старалась, чтобы было похоже на правду.

– А аудиосистема в машину?

– Это Алена от себя подарила. А я сделаю твой фотопортрет. Не переживай, у меня хорошо выходит, – поспешила она заверить Макара, но тот снова откинулся на доски, подложив руки под голову.

– Ну сфоткай, если хочешь, – он помолчал, а потом вдруг спросил без перехода: – Они давно вместе?

– Н-не знаю, – от неожиданности она начала заикаться, – я отдельно живу. Алена мне сегодня только сказала.

Замолчали надолго. Эва сидела, боясь пошевелиться и подтянув колени к подбородку, а Макар лежал с закрытыми глазами. Может, уснул?

Может, и уснул. Будить она его точно не собирается, придется ждать, пока не проснется, надо же как-то назад возвращаться. Она старалась больше не смотреть на его тело, потому что с ее телом начинали твориться странные вещи.

Внутри растекалось что-то горячее, поднималось вверх к солнечному сплетению и опускалось в самый низ живота. Это и пугало ее одновременно и завораживало, потому что ощущения были... необычные. Она уже была достаточно взрослой, чтобы понимать, как выглядит возбуждение, но никогда ей не приходилось испытывать его, только глядя на мужское тело.

«Хочешь, чтобы первым был Макар?»

– Так почему Э, а не Е?

Эва вздрогнула и испуганно вскинулась. Но Мак по-прежнему на нее не смотрел, и она, сглотнув, сообразила, о чем речь.

– Маме не нравилось, как звучит Евочка. Потому Эва.

– Евочка, – он будто попробовал на вкус и улыбнулся, – да, так действительно лучше. Как девочка.

– Ты уже обсох? – пришлось сделать усилие, чтобы голос не дрожал. Он же не смеется над ней? Он просто шутит?

Вместо ответа Макар резко сел и повернулся лицом.

– А ты что, уже пофоткала, папарацци? Завтра я стану героем инстаграма?

– Я ждала, когда ты откроешь глаза и поднимешься.

– Мне как-то особо позировать?

– Нет, сядь ровнее и обопрись на руки, – Эва показывала на расстоянии, не смея прикоснуться к нему, а тот и не настаивал.

Она отщелкала несколько снимков, а потом изо всех сил вглядывалась в экран, пока Макар рядом шуршал одеждой. Ей казалось, он нарочно ее дразнит.

– Все, отлипай от своего аппарата, папарацци! – прозвучал над головой смешок. – Идем дальше день рождения праздновать.

– Я обработаю фото и передам через Алену, – сказала Эва. Макар ничего не ответил, пропуская ее вперед.

Поднимаясь, она споткнулась о торчащий из земли корень и чуть не полетела носом вниз. Макар успел поймать, и от его рук, от его близости снова начала растекаться горячая волна, на этот раз из груди. Но все равно вниз.

Эва шла, отставая на два шага. Сердце готово было выпрыгнуть наружу, и только задумчивый и отсутствующий взгляд Макара помог ей справиться с этим изматывающим состоянием.

Когда они подошли к дому, Эва чувствовала себя совершенно обессиленной и опустошенной.

* * *

– Эвка, выпей за именинника! Ну что ты как неродная? – Алена подошла к ней и чуть ли не насильно всучила бокал с шампанским.

Эва сделала вид, что отпила. Хотела отставить бокал на подоконник, но быстро сообразила, что если его все время держать в руках, то больше никто не станет приставать с пьяными приглашениями.

Вечер был в разгаре, начали с барбекю, а затем постепенно перетекли в холл. Подвыпившие гости разбились на пары. Эва старалась прятаться по углам и пореже мелькать у них перед глазами, но уйти в комнату мешало любопытство, потому что пара Алена-Руслан разделилась.

Алена болтала с Ингой, бросая тревожные взгляды на пару Руслан-Макар, которые допивали уже вторую бутылку виски. Невооруженным глазом было видно, кто решил целенаправленно накидаться и выпил больше напарника минимум вдвое.

Руслан жестикулировал, о чем-то втолковывая Макару, а тот молчал, изредка упрямо мотал головой и пил. Пил, пил, Эве уже делалось страшно. Наконец она не выдержала и подошла к ним, прихватив бокал. При этом Алена странно посмотрела на нее и подалась вперед, будто хотела что-то сказать, но потом передумала.

– Макар, хватит пить, тебе лучше лечь в постель.

Мак обвел ее мутным взглядом.

– А, папарацци, чего тебе? Выпьем за мой день рождения?

Он осмотрел свой пустой бокал, пустую бутылку. Хмыкнул, выдернул у Эвы из рук шампанское, расплескав половину, и отлил себе добрую часть.

– Макар! Тебе не надо пить шампанское! – раздался отчаянный возглас Алены. Руслан быстро взглянул на нее, потом почему-то на Эву и тоже попытался остановить приятеля.

– Мак, ну в самом деле, не понижай градус...

– Похер, – тот залпом выпил и отбросил бокал в сторону, – с днем рождения меня!

Затем поднялся довольно ровно и, похлопав Руслана по плечу, двинулся к лестнице. Алена продолжала растерянно переглядываться с Русом.

Эва поставила свой бокал с остатками шампанского на дне и вышла на воздух. Вот бы пройтись сейчас к реке с Макаром... Вспомнила растянувшееся на досках загорелое мужское тело в капельках речной воды, и ее снизу доверху пронзила сладкая дрожь.

Нужно принять душ и лечь спать. Перед сном можно помечтать, представляя, как Макар притягивает ее к себе и целует, а она гладит тугие мышцы рук, груди, пресса... Эва вошла в дом и поднялась на второй этаж, но по пути к их с Аленой комнате ее перехватил Руслан.

– Эва, погоди, Мак выронил свой мобильник, можешь ему отнести?

– Почему я? – удивилась она. – Это не очень удобно, может, он не одет!

– Ты его видела? – рассмеялся Рус. – Он в таком состоянии, что ему точно все равно, одет он или нет. Пожалуйста, Эва!

Она пожала плечами, взяла мобильник и подошла к спальне Макара. Постучала на всякий случай, а потом осторожно вошла, прикрыв за собой дверь.

– Мак, ты спишь? – тихонько позвала и увидела Макара, лежащего на постели.

Он раскинулся как морская звезда и занимал большую часть своей просторной кровати. Вокруг бедер было обернуто полотенце, и Эва облегченно вздохнула. Стараясь ступать неслышно, она подошла к тумбочке, положила мобильник, и тут сзади послышалось сиплое.

– Кого там принесло? Рус, ты?

– Я, – пискнула Эва, – это я, а не Рус.

– Папарацци? Что ты здесь делаешь? Снова меня фотографируешь? – его речь была на удивление связной.

– Я принесла твой телефон, меня Руслан попросил.

– А можешь подать воду? Там на подоконнике бутылка.

Эва обернулась, увидела бутылку с водой и протянула Макару. Тот неожиданно сел в кровати, одной рукой взял воду, а другой руку Эвы.

– Сядь возле меня, посиди... Да не бойся ты!

– Я не боюсь... Я думала, ты пьян.

Она и правда не боялась. Макар выглядел довольно вменяемым, только глаза лихорадочно блестели, да еще стойкий запах виски висел плотным облаком. Мак тем временем приблизил лицо и вгляделся ей в глаза.

– Интересная ты такая... красивая... Эвочка! – а потом вдруг обхватил ладонью затылок и скользнул губами к шее. – Какая у тебя кожа нежная, Эвочка... девочка...

Тысячи мурашек побежали от пальцев ног вверх, по спине, а по позвоночнику потекла густая теплая волна. Если... если она просто поцелуется с Макаром, ничего ведь страшного?

Ну вот совсем нет сил оттолкнуть его. Наоборот, хочется подставляться под блуждающие по шее губы, уже спустившиеся до ключиц. Он так их прикусывает, что у нее все замирает внутри... И одежда кажется совсем лишней... Нет, она не будет раздеваться, но футболку можно просто приспустить с плеч?..

Эва сама не поняла, как оказалась подмята его телом – таким тяжелым, она не думала, что он такой тяжелый и... приятный на ощупь. Твердые, как выточенные, мышцы двигались под ее ладонями, и ей нравилось их гладить. Она в свою очередь попробовала захватить губами нависшего над ней мужчину, попала под подбородок и прикусила колючую кожу.

Неожиданно он застонал, и внутри что-то взорвалось, срывая предохранительный клапан – она может довести этого мужчину до того, чтобы он так стонал?

Он вдавил ее в простыни, одежды на ней почему-то уже не было, как и полотенца на нем. Сквозь затуманенное негой сознание попытались пробиться запоздалые отголоски разума:

«Эва, что ты делаешь, он же тебя не любит! Оттолкни его, вставай и уходи!»

«Не могу, уже не могу...»

Его губы и руки доводили до сумасшествия, она вдруг вспомнила сегодняшнее Аленкино: «Хочешь с Макаром?»

«Да, хочу!»

– Эвочка... Что ж ты такая сладкая...

А потом ее будто пронзили раскаленным металлическим стержнем. Она вскрикнула, но лицо было прижато к крепкой груди, она в последний момент успела вывернуться, чтобы не задохнуться.

Сознание мгновенно вернулось, вся истома слетела. Ни мурашек, ни волн, осталась только жгучая боль, будто внутри зияла открытая рана. А еще надрывное, прерывистое дыхание и тяжелое неподъемное мужское тело, которое ни сдвинуть не получалось, ни столкнуть.

Глава 7

Макар разжал тиски, перекатился на бок, продолжая надрывно дышать, и Эва свернулась клубком, закрыв руками лицо. Она не представляла, как посмотрит сейчас ему в глаза. То, что произошло, – чудовищная ошибка, она не должна была этого допустить.

Теперь все ее ощущения казались надуманными. Как она могла исходить желанием в его руках, понимая, что это всего лишь физиология? Макару после такого количества выпитого наверняка было все равно с кем. Кого нашел в своей кровати, того и...

Она чуть не разревелась от собственной слабости и бессилия. Всему виной ее глупые мечты перед сном, в которых они с Макаром заходили чересчур далеко. Да еще и сегодняшнее купание добавило. Зачем только Макар ее нашел?

Лучше бы она осталась блуждать по лесу. Может, сама бы вышла к речке, а нет, Алена бы подняла всех на ноги. Сестра казалась достаточно испуганной, когда Макар привел Эву обратно и она призналась Алене, что заблудилась.

Эва сейчас отчаянно ненавидела свое тело, которое столько времени казалось погруженным в спячку, а теперь сыграло со своей хозяйкой настолько злую шутку. Самым ужасным было то, что она на все пошла добровольно, и что теперь делать, не представляла.

Как отнять руки от лица и посмотреть на мужчину, который сейчас лежит рядом и так громко дышит? В которого она успела по уши влюбиться, который стал ее первым. И которому это до лампочки, потому что он ничего ей не сказал, вообще ничего. Хотя должен был почувствовать, он же не такой лузер в сексе, как Эва.

Она набралась смелости, приподняла голову, и слезы сами собой потекли из глаз. Макар спал, развалившись на спине, закинув руки за голову. Хорошо, если он завтра вспомнит, кто был в его постели.

С другой стороны, если уехать прямо сейчас, он ведь может ничего и не вспомнить? Главное, незаметно выйти из дома и вызвать такси – сейчас по локации такси приедет даже в такую глухомань.

Вот только денег у нее вряд ли хватит, но можно взять у Алены, одолжить, конечно. В их комнате наверняка никого, Алена у Руса, его спальня вроде как на противоположной стороне. Лишь бы она вещи не забрала с собой.

Эва, судорожно всхлипывая, подобрала одежду, отчего-то валявшуюся на полу, быстро оделась и, убедившись, что в коридоре никого, тенью скользнула к их с Аленой спальне.

Ввалилась внутрь спиной, щелкнула выключателем и остановилась в растерянности. Алена, сидящая на Руслане, вскрикнула и дернула на себя простыню. Рус недовольно сощурился.

– Эва? Ты чего здесь?

– А где я должна быть? – она старалась не смотреть на обнаженную мужскую грудь. На сегодня ей выше крыши хватило голых торсов и не только.

Достала из шкафа сумку и принялась спешно складывать вещи. Фотоаппарат, расческа, зарядка для телефона. В принципе, все, запасная одежда так и лежала в сумке.

Ей бы белье сменить, только сначала в душ, а лучше в горячую ванну. Каждое движение внутри отзывалось болью, как будто металлический штырь из нее так и не вынули. Хотелось смыть если не воспоминания, то хотя бы следы той самой физиологии...

Эта мысль заставила ее выпрямиться. Макар если и не вспомнит, то все увидит и на постели, и на себе. Каким бы пьяным он ни был, а меры предосторожности принял, видимо, у них это на автомате, у мужчин. Или в подкорке зашито. Эва в отчаянии закусил губу.

– Мы думали, ты у Мака осталась, – нерешительно сказала Алена, и Эва удивленно оглянулась. Вообще-то, она о них уже успела забыть.

– С чего это вдруг я должна у него оставаться? – как можно более спокойно проговорила, удивляясь собственной выдержке. Тут же в голову пришло, что Макар не полный дебил и вряд ли станет демонстрировать гостям измазанную простынь. И себя.

– Тебя так долго не было... – Алена жеманничала, но Эве отчего-то показалось, что та тушует и прячет глаза.

– А Макар где? Спит? – недоверчиво переспросил Руслан.

– А где он еще должен быть? – ответила Эва, теряя терпение. – Послушай, это твой друг, а не мой. Я не нанималась за ним следить. Алена, можешь одолжить мне деньги на такси? Я верну.

– Зачем тебе такси? Завтра вместе поедем.

– Нет, мне надо сейчас, – Эва упрямо мотнула головой.

– Да, жаль. А я был уверен, что все получится, – Рус сел, вытянув руки перед собой. Эва удивленно моргнула.

– Получится? Что ты имеешь в виду?

– Ничего, – быстро сказала Алена, протягивая Эве несколько купюр, – вот, держи. Этого точно хватит.

– Спасибо, – Эва взяла деньги и вышла из комнаты, бросив на прощание «Пока!»

– Свет выключи, – крикнул ей вслед Руслан, но она уже ушла.

Такси пришлось ждать долго. Эва даже продрогла, но в дом возвращаться не стала бы под страхом смертной казни. В пути она даже задремала, в квартиру кралась на цыпочках, чтобы не разбудить Ирку. Забросила сумку в комнату и сразу отправилась в ванную.

Да уж... Лучше бы она этого не видела. Надежды на полную отключку сознания Макара разбились на тысячи осколков как то блюдо, которое она нечаянно уронила прямо на кафель, когда еще жила у Бессоновых.

Ванну среди ночи набирать не стала, довольствовалась душем. Утром заспанная Ирка с удивлением обнаружила ее на кухне с чашкой остывшего кофе и пристала с расспросами.

Эва рассказала, просто не было сил это держать в себе. А потом разревелась, конечно же, потому что держать в себе слезы было еще сложнее. Но как бы ни утешала подружка, камень с души снять это не могло.

– Тебе нужно поспать, Эвочка, – сказала Ира, а ее замутило.

«Эвочка... девочка... такая сладкая».

Сегодня день обещал быть пасмурным, с утра собирались тучи. Эва неприветливо посмотрела на серое небо.

«Не могли вчера насобираться, чтобы дождь пошел?»

Она бы точно тогда никуда не поехала, ей очень нужен был дождь, чтобы отснять давно запланированную фотосессию. Именно в городе, так что она бы однозначно отказалась от поездки на дачу. А сейчас задернула шторы поплотнее, улеглась на кровать и так и пролежала лицом к стене то проваливаясь в сон, то всплывая на поверхность.

Боль ушла, тело в принципе не ощущалось, как будто его и не было. Оно осталось там, возле Макара, на смятых, измазанных бурыми разводами простынях. А здесь была только ее душа, и Эву это просто убивало.

Почему оно в спальне Макара не казалось ей эфемерным? Откуда в ней взялись настолько животные ощущения? Почему-то Эва была уверена, что если бы она встала и ушла, Мак не стал бы ее насильно удерживать. И даже не потому, что он не насильник, а потому что ему незачем. Она не нужна ему. Он ее не любит.

В дверь позвонили. Звуки доносились как сквозь слой ваты, кого это там принесло? Наверное, к Ирке пришла очередная подружка. К ней вечно кто-то приходил плакаться на кухню, а Эву порядком напрягало, что та устроила из их общего жилища проходной двор.

– Эвочка, это к тебе, – растерянный голос подружки вернул в сознание.

Эва села в кровати, обхватив себя руками. Вспыхнул свет, и ей сразу же захотелось умереть обратно.

В дверях ее комнаты, упираясь рукой об косяк, стоял Макар.

* * *

По голове изнутри мерно и гулко бил огромный тяжелый молот. Было жарко, язык присох к небу. Веки слиплись и никак не хотели открываться. Макару даже поначалу показалось, что они срослись, эти веки. И почему так жарко, он не сразу понял.

Хорошо догадался поднять голову и, хоть видно было как сквозь мутное стекло, углядел на тумбочке бутылку с водой.

Промелькнула странная ассоциация, связанная с этой бутылкой. Перед глазами Макара встал кадр – здесь, в его комнате, та пигалица, что везде таскала свой фотоаппарат, Аленкина сестра, протягивает ему бутылку воды.

Встал не только кадр, тело отреагировало соответственно. Похоже, вчерашние «салюты» на реке, из-за которых он, собственно, и прикрылся футболкой, были не случайной реакцией на смущение и покрасневшие щеки девчонки. Он в принципе на нее так реагировал. Почему? А хер его знает почему. Вспомнить бы еще как ее зовут...

Телу по-прежнему было жарко, и Макар догадался, наконец, что это солнце. Оно уже поднялось высоко и шмалило теперь прямо в спину. Да уж, набрался он вчера не слабо.

Рус, конечно, сволочь, но не стоило так демонстрировать свою уязвимость. Алена будет его, Макара, он был уверен. И самое последнее, что нужно было делать в этой ситуации, – надираться с теперь уже точно бывшим другом. Хорошо хоть в постель никого тащить не надумал, было бы тогда совсем стремно...

«Это еще что за ...?»

Макар остоленело разглядывал бурые пятна и разводы на измятой, будто ее жевали, простыне. Ясно, что кровь. Он что, подрался с Русланом?

Поднес к глазам руку, пытаясь сфокусировать на ней расплывающийся взгляд. О, получилось! Рука целая. Ощупал лицо, нигде не саднит, значит, по роже тоже не прилетало. А потом глянул вниз. Твою ж мать...

Вскочил было, но комната дала существенный крен, и он рухнул обратно на кровать. Дотянулся до воды и жадно припал к бутылке.

«Это же не она, это же не сестра Алены. Она мне просто приснилась!»

И тут скотская память как нарочно принялась разворачивать перед ним то одну раскадровку, то другую. И главное, не по порядку, а выборочно, как в рекламном трейлере блокбастера – короткие вспышки перемежались глухими провалами.

Но и этого хватило, чтобы тело восстало против Макара с новой силой, ему и того, что он вспомнил, с головой...

Какая нежная кожа у нее на шее, и ниже к плечам, и в ложбинке... Он не то что вспомнил ее запах – тонкий, легкий, девичий – а, скорее, свои ощущения, которые тут же отозвались внизу болезненным спазмом.

Надо подняться и добраться до душа, смыть так некстати накотившее возбуждение, а потом пойти и отыскать эту... как ее... Имя там еще такое же, как и она, нежное... Девочка... Эвочка!

Мак уперся в стенку и выругался. Он бы и лбом ударился, если бы это помогло. Как она оказалась в его спальне? Мало того, в его постели? И не просто в постели, а еще и под ним?

Теперь сомнений не оставалось, у них с Эвой был секс, а вот пятна на простыне красноречиво свидетельствовали только об одном.

Будь на ее месте любая из их компании, Макар бы не сомневался, что это просто месячные. Кстати, он на дух не переносил, когда женщины его не предупреждали о подобных сюрпризах. Но Эве лишь на днях исполнилось восемнадцать, и, если это то, что он думает, ему остается только биться головой о стену.

Мак в который раз пожалел, что поленился заморачиваться с бассейном – нырнуть с головой в холодную воду, насколько бы сразу стало легче! До реки он точно не дойдет, пришлось довольствоваться душем. А в бассейне и утопиться можно было бы, если подтвердятся его худшие опасения.

Холодный душ не придал ясности мозгам, но гораздо улучшил качество обзора внешнего мира. Осторожно держась за перила, Макар сполз на первый этаж. Его гости давно проснулись и развлекали себя как могли.

– Макар! – беловолосая Инга подошла и чмокнула в щеку, а потом засмеялась и помахала рукой возле его носа. – Ты весь проспиртованный!

Макар представил Эву, вдыхающую этот спиртовой коктейль, и его чуть не стошнило. Надо ее найти и разобраться, ему и думать не хотелось, что придется выслушать от девушки. Она же совсем девочка, забавная такая, фотопортрет обещала...

Макар вспомнил, как она сосредоточенно настраивала аппарат, как хмурила личико, объясняя, как правильно позировать. Снова срочно понадобилась стена, и не просто побиться головой, а долбануть один раз, но так, чтобы и потолок обвалился. Если это хоть как-то поможет.

– Макар, ты чего? – Инга заглядывала в глаза, цепляясь за его руки. Еще одна.

– Ты видела Эву? Ну Аленкину сестру, Эвангелину?

– Нет, – Инга удивленно взмахнула ресницами и придвинулась еще ближе, – спроси у Алены, они с Русланом в беседке кофе пьют.

Макар отвел руки девушки и, стараясь держать равновесие, направился к беседке.

– Где Эва? – хрипло спросил он, вваливаясь внутрь.

Алена, сидевшая на руках у Руса, вскочила, но тот потянул ее обратно. Макар где-то в подкорке отметил, что сейчас ему было совершенно на это начхать.

– Уехала, – ответила смущенная Алена, – ночью. Прибежала вся взмыленная. Мы думали, она с тобой останется.

– Почему со мной? – мозги работали безобразно медленно.

– Я попросил Эву отнести тебе мобильный. Ее не было больше часа, – ответил бывший друг, прижимая к себе ЕГО девушку. У Макара невыносимо зазудели ладони. Потом. Сейчас не время. Надо найти Эву. Эвочку... – А потом она прибежала, попросила деньги на такси и уехала. Я понял, что ты в отключке, и у вас ничего не срослось.

– А должно было? – Мак облизал сухие губы. – С каких херов у меня что-то должно быть с сопливой девчонкой? Еще и ее сестрой? – он мотнул головой в сторону Алены.

– Мак, ну ты в последнее время такой дерганый, – Руслан говорил, растягивая слова, будто нарочно желая его подразнить, – но ни на кого не ведешься, а зная, какой ты брезгливый, мы и решили...

– Что? – Макар подался вперед, Алена испуганно обернулась на Руса.

– Ты ей так понравился, Мак, – она быстро заговорила, – Эвка о тебе только и говорила все эти дни. Я тоже подумала, что вы могли бы неплохо провести время, только она стеснительная, у нее еще никого не было. А на тебя запала. Она была не против, чтобы ты стал у нее первым. Она сама сказала...

– Ты говорил, что у тебя девственников не было, – лениво проговорил Руслан, откидываясь на спинку, – вот мы и подумали тебе подарок сделать. Но раз у вас не вышло, то и говорить не о чем.

– Вы... Вы больные? Оба? – у Макара от злости голос стал сиплым как у астматика, он посмотрел на Алену так, что та дернулась. – Дай мне ее адрес.

– Послушай, Макар, – Алена все же поднялась, незаметно отталкивая руки Руслана, но Макару по-прежнему было на это наплевать.

– Адрес! – он зарычал, подавляя поднимающуюся изнутри почти животную волну клочущей ярости. Потому что если позволить ей вырваться наружу, то потом остановить его будет практически невозможно.

Глава 8

– Макар, подожди! – он как раз выруливал к воротам, когда наперерез его «Феррари» бросилась Алена. – Не надо, не садись за руль!

– Алена, отойди.

– Нет, Мак! – она оббежала капот и забарабанила в окно. Макар с недовольным видом опустил стекло.

– Чего тебе?

– Тебе нельзя за руль, – она схватила его за руку и повторила уже тише, – не надо никуда ехать, Макар, тебе нужно отлежаться. А вообще не помешала бы капельница.

– Глупости, – он отнял руку и поправил солнцезащитные очки. Алена смотрела сочувствующе и... виновато? – Я что, первый раз с похмелья? С какого перепугу мне капаться?

– Это не похмелье, Мак, – она запнулась, а потом пояснила, – не совсем похмелье.

Взгляд Макара потяжелел, он пристально посмотрел на Алену.

– И что же? Говори, коль начала.

– Шампанское, которое ты пил, там был стимулятор. Если совсем немного алкоголя, то ничего особенного, но ты столько выпил, там сочетание получилось убийственное просто...

– погоди, что ты несешь? – Макар сначала не понял, но, когда до него дошло, он сам схватил Алену за локоть. – Зачем вам понадобилось подмешивать стимулятор? Я и так был под завязку.

– Это не для тебя, а для Эвы, – Алена попыталась выдернуть руку.

– Для Эвы?

– Да, она вечно такая... зажатая... А тут ты, если бы она выпила шампанское, встряхнулась бы немного, расслабилась, может, у вас с ней что-то и вышло.

– Ты... – Макар так сжал ей руку, что она чуть не взвыла, – как ты могла? Она же твоя сестра! Ладно Рус сволочь, а тебе зачем?

– Я не могла отказаться, Мак! Он рвнует меня к тебе, – Алена всхлипнула и вытерла глаза свободной рукой, – решил отвлечь тебя Эвкой. А ты ей понравился, это правда. И я подумала...

– Довольно, – оборвал ее Макар, – теперь уже не имеет значения. Отойди от машины.

– Но Мак...

– Алена, отойди от машины!

Она вздохнула и отошла в сторону. Макар поднял стекло, вдавил педаль газа и выехал на дорогу.

* * *

Ему не нравилось свое состояние, его мучило, все вокруг казалось подозрительно расплывчатым. Может, и правда заехать в клинику? А потом машина вильнула в сторону, в глазах потемнело, Макар немедленно сбросил скорость и выехал на обочину. Облился водой из бутылки и долго сидел, опираясь на руль.

В голове никак не складывалась правильная картинка. То, что у него съехала крыша, объяснялось адской смесью сумасшедшей дозы алкоголя и стимулятора, пусть и слабенького. Сколько той Эве надо.

Но ведь Эва была трезвая! Она даже шампанское не пила, таскалась с бокалом, пока Макар его не отобрал. Дурак пьяный. Потом принесла ему мобильник и должна была уйти. Так почему не ушла?

Ни Руслан, ни Алена не знают, что у них все получилось, еще как получилось. У Макара, по крайней мере. Вся в бурых пятнах простынь и измазанный в крови презерватив очень красноречиво об этом свидетельствовали. А простынь такая измятая, потому что Эва... сопротивлялась?

Макара бросило сначала в жар, потом в холод. У него даже руки затряслись. Те кадры, которые вспоминались, не давали четкой картины. Они как сполохи – вот он ее целует, вот он заводит ей руки над головой, а она выгибается... И тут Мак снова похолодел. Ведь он думал, она от удовольствия выгибалась, а выходит, наоборот, от боли?

Стало так мерзко, будто его в дерьмо с головой сунули. Надо все прояснить, надо поговорить с Эвангелиной. Только прежде нужно избавиться от этой дряни в крови, концентрация которой, судя по состоянию, была ощутимой.

Достал телефон и нашел контакт отцовского друга Геннадия Кравченко, владельца «Медикал Центра», лучшей частной клиники города.

– Макар, ты? Привет, дорогой, я так рад тебя слышать!

– Здравствуйте, Геннадий Викторович, мне нужна помощь.

– Очень плохо, – голос в трубке сразу стал серьезным. – Хотя я понимал, что вряд ли ты звонишь мне в воскресенье среди бела дня, чтобы просто поздороваться. Что у тебя, Макар?

– Интоксикация, потеря координации, – Мак постарался вкратце обрисовать проблему.

– Значит так, сиди на месте, я пришлю людей, тебя доставят быстро и с комфортом. Слышал? Не вздумай рыпнуться. Не бойсь, почистим, будешь как новенький.

Кроссовер с охраной прибыл в кратчайшие сроки. За руль «Феррари» пересел один из прибывших охранников, а Макара пересадили во внедорожник. Его встретили на пороге и провели в отдельную палату, а потом выяснилось, что Геннадий Викторович лично прибыл в клинику.

– Ну что, считай, ты отделался легким испугом, – Кравченко сидел возле Макара, вокруг которого суетились медсестры, – не настолько все плохо. Вот если бы они подмешали чего посерьезнее, думаю, ты у меня дня три бы отлеживался.

Когда Мак вышел из клиники, уже стемнело. Кравченко вышел его проводить.

– Постой со мной, покурим, – остановился он на крыльце, доставая сигареты. – Ты курить не начал?

– И не начинал никогда. Пробовал, конечно, не понравилось, – Макар сунул руки в карманы джинсов.

– Молодец, – похвалил Геннадий Викторович, – а я вот не брошу никак, – а потом продолжил без предисловий: – С отцом так и не миришься?

– Я с ним не ссорился, – Макар смахнул ногой с крыльца пух, налетевший с росшего прямо перед клиникой развесистого тополя.

– Но вы не общаетесь. Он переживает, Макар, а ему нельзя, – Кравченко выпустил облако дыма и серьезно взглянул на Макара. – Он недавно прошел у меня полное обследование. Все очень плохо, Мак, ты даже не представляешь как. Сердце ни к черту, истаскалось, лохмотья одни, а не сердце. Я настаиваю на операции, но ты знаешь Романа, он еще упрямее тебя. Вы, Демидовы, как Китайская стена, не сдвинешь!

Макар хмуро смотрел в сторону, избегая взгляда Кравченко, но тот задумчиво курил, глядя на темнеющее небо.

– Ладно, я поеду, спасибо, что откачали, – Макар сделал шаг по ступеньке вниз, а потом обернулся: – И что об отце сказали, тоже спасибо. Я навещу его. Обещаю.

– Навести, – тот затушил сигарету и посмотрел в упор, – смотри только, не тяни, как бы не опоздать.

Макар сел за руль с тяжелым сердцем. Весть о старшем Демидове оказалась довольно неожиданной, он чуть было не направил свой «Феррари» в сторону отцовского дома. Но оставалось еще одно незаконченное дело, и Макар забил адрес в гугл-карту.

Дом, где снимала квартиру Эвангелина, он нашел очень быстро, дверь открыла тощая рыжеволосая девчонка, усеянная таким количеством веснушек, что Макар в жизни столько не видел.

– Эва дома? – спросил он, на всякий случай ставя ногу в проем, чтобы та не вздумала захлопнуть дверь перед его носом.

– Она спит, – ответила девчонка, – а вы случайно не Макар?

– Случайно он, – Макар аккуратно, но твердо отодвинул рыжеволосую девушку и ступил на порог.

– Эвочка, это к тебе, – побежала рыжая в комнату, и Макар последовал за ней.

«Эвочка... Надо же...»

Она сидела на кровати, поджав ноги, и исподлобья смотрела на вошедшего Макара. Спала или не спала, но то, что проревела полдня, к бабке не ходи. Глаза красные, на щеках такие же красные пятна. Испуганная. Растерянная. Молоденькая... Девочка...

Макар развернул подружку и выставил из комнаты, плотно прикрыв дверь, а потом подошел и присел возле кровати. Он бы взял ее за руку, если бы не опасался, что ему задвинут ногой в челюсть. Спросил и задержал дыхание.

– Эвочка! Скажи, я тебя изнасиловал?

Она распахнула свои и без того большие глаза и непонимающе уставилась на Макара.

– Н-нет, ты что, конечно же нет.

Он прикрыл ладонью глаза. С души свалилась та самая Китайская стена, которой тыкал ему сегодня Кравченко.

«Все. Уезжай, Макар. Узнал, что хотел, и поезжай».

Но он никуда не поехал. Поднял голову и посмотрел на жавшуюся в углу кровати девушку. Внутри все стеноло и завывало: уезжай, идиот! Однако что-то там же внутри, только глубже, удерживало.

Он смотрел на ее сжатые коленки, прикушенную губу, судорожно сплетенные пальцы и чувствовал, как кровь начинает разгоняться по венам.

«Мак, не будь дураком, уходи, пока не поздно...»

– Тогда скажи мне, Эва, – начал он вкрадчиво, придвигаясь ближе, – скажи, почему ты не стала сопротивляться. Я плохо помню, что было ночью, но тебя я вспомнил, и секс вспомнил. А как ты от меня отбиваешься – нет, не было такого. Я не бросался бы на тебя просто так, в том шампанском, которое я выпил, был стимулятор. Это Руслан подмешал тебе, чтобы ты на меня повелась. Но шампанское ты выпить не успела, так почему же ты повелась, а, Эва?

– Какой стимулятор, Макар? – она снова выглядела испуганной, а он заводился все больше.

– Тебе нужно название препарата? Можешь спросить у Руслана, а я хочу знать, почему ты не дала мне по морде бутылкой или не задвинула в пах коленом. Клянусь, этого хватило бы с головой, чтобы меня отключить. Я же был пьяный в хлам, тебе настолько было похер, как пройдет твой первый раз?

Его трясло от злости, а почему, он сам не понимал. Как будто это не он лишил ее девственности, а она его, но то, что она позволила ему с собой сделать, выбешивало просто до белого каления.

– В первый? – в больших глазах мелькнуло недоумение. – Ты... ты не первый у меня, Макар, с чего ты взял?

Она поднялась, неторопливо прошла мимо к окну и встала, повернувшись спиной и сложив руки на груди. Он смотрел на эту ровную спину и сам не знал, почему вдруг пришло

сравнение с натянутой струной, что вот-вот лопнет от сильнейшего напряжения. А потом его запоздало накрыло, даже в глазах потемнело.

Как это, он не первый? Рванул следом и развернул Эву к себе. Она расцепила руки, но тут же скрестила ноги, будто закрываясь. Подбородок вздернут, глаза смотрят с вызовом, ну кого тут не поведет?

– Эва, не зли меня, – предупредил по-хорошему, нависая и упираясь одной рукой в подоконник, другой в откос, – а кровь тогда откуда? Простынь пришлось выбросить.

– Так я сказала тебе, ты, наверное, не помнишь. У меня месячные были, но они почти закончились, и я думала...

Он не дал ей договорить и схватил за руки, чуть не вывихнув их в суставах.

– Выходит, у нас все было по взаимному согласию? И как тебе, понравилось?

– Да, все было просто замечательно. Ты крутой!

– Супер! И именно поэтому ты сбежала на такси среди ночи? Почему же не осталась до утра? Мы бы продолжили, раз я такой охеренный.

– Я вспомнила, что у меня на понедельник срочный заказ, пришлось уехать. Но мне было очень жаль тебя оставлять, – ответила, не моргнув, и Макар едва удержался, чтобы ее не придушить, даже вперед качнулся.

И почему его это так бесит? Может, надо было еще пару ведер в себя через капельницу влить? Иначе как объяснить, что кровь несется по венам как сумасшедшая, сердце колотится так, что вот-вот пробьет грудную клетку, дыхание сбивается на хрипы? Все остальное в полной боевой готовности, и, если Эва еще дальше продолжит сжимать коленки и исподлюбья смотреть на Макара, то...

«Мак, не дури, вали отсюда скорее, иначе тебе...»

И снова он проигнорил внутренние вопли и склонился еще ниже над Эвой.

– Так может, проверим? – сузил глаза, а сам чуть не задохнулся от тонкого, девичьего аромата, ударившего прямо в мозг.

– Проверяй, – она даже не шелохнулась, лишь еще выше вздернула подбородок.

И он, чувствуя, как летят ко всем чертям его внутренние тормоза, подхватил ее и усадил на подоконник. Впился и сам себе напомнил тигра, вгрызающегося в нежную шею пойманной антилопы.

Запустил руку в гладкие густые волосы и стянул на затылке, а потом оторвался от нее и заставил посмотреть себе в глаза, сам вглядываясь в расширенные зрачки.

Ну хоть что-то он должен там прочесть? Увидеть отвращение и брезгливость, если она его обманула. Или удовлетворение и торжество, если Алена говорила правду, и Эва на него запала.

Ничего. Ничего там не было. Лишь две пропасти, полные утреннего тумана.

– Целуй меня, – не попросил, потребовал, еще сильнее стягивая волосы.

– Тебе надо, ты и целуй, – ответила та чуть хриловато, и он с полубезумным стоном впечатался ей в губы.

А когда почувствовал, как его нерешительно обнимают за плечи тонкие руки, последние остатки здравомыслия улетели в две подернутые туманом пропасти. Он свободной рукой рванул ремень и дернул молнию, успев лишь подумать, как хорошо, что надел джинсы на молнии, а не на болтах.

* * *

Ну конечно, она его обманула, и конечно, он сразу это понял. Ему бы сделать над собой усилие, остановиться, застегнуть джинсы, дать по заднице этой дурочке и валить. Чем быстрее, тем лучше.

Но он не мог. Не мог заставить себя оторваться от нее. От нежной, как шелк, девочки, везде, везде, как шелк...

Она поначалу пыталась изображать искусственную любовницу, хоть и довольно неумело, а потом не выдержала. Толкнула в грудь и закрыла лицо руками, отворачиваясь. Мак сразу же остановился, отнимая руки, они уже лежали на кровати – когда только успели перебраться, он и не помнил.

– Зачем было врать, дурочка? – он шептал на ухо, покрывая ее поцелуями, лаская дыханием теплую кожу. Нежную, шелковую. – Такая сладкая, шелковая Эвочка...

Она ничего не отвечала, но уже перестала дрожать и прислушивалась.

– Обними меня, не бойся, – он продолжал шептать в волосы, в виски, в губы, – я медленно, тебе больше не будет больно. Доверься мне, Эвочка.

На затылок несмело легла одна ладонь, потом вторая, затем обе ладошки осторожно поползли по его разгоряченной спине. Смесь, клокотовавшая сейчас в венах, пузырясь и взрываясь, была такой концентрации, что куда с ней равняться той жалкой мешанине алкоголя с возбуждателем! Здесь месяц лежи под капельницами, не поможет.

И был только один способ остудиться и выпустить ее наружу, проверенный веками и тысячелетиями. Макар захватил губы Эвы своими и закрыл глаза...

...Она еще дышала часто и прерывисто, когда Мак, придавив ее сверху всем телом, взял за затылок, навис лицом к лицу и сказал, стараясь выдохнуть не слишком шумно:

– Ну рассказывай, Эвочка.

Глава 9

Она не смогла солгать Макару. Тот смотрел с таким напряженным ожиданием, с таким острым, раздирающим чувством вины в глазах, что у нее не повернулся язык сказать: «Да. Ты меня изнасиловал». А ведь Мак поверил бы, как тут не поверить? Эва хорошо помнит странный лихорадочный блеск его глаз.

Она, дура, решила, что это он от нее потерял голову, а он, оказывается, получил порцию женского аналога «Виагры». Или это какой-то наркотик был?

Неважно, в любом случае Макар определенно заслуживал на правду. И когда после ее слов он шумно заглотнул воздух, а потом выдохнул, Эва сама испытала колоссальное облегчение, которое так явно проступило на его красивом и до боли близком лице. О том, когда это он успел стать настолько близким, Эва боялась даже думать.

А вот когда Макар спросил, почему она не сопротивлялась, ее охватила паника. Как признаться мужчине, что она влюблена в него бесповоротно и безоговорочно? Что она чувствует его как себя, и каждая его эмоция, хорошая или нет, проходит сквозь нее как сквозь высокочувствительный сканер?

Тогда пришлось бы признаваться и в остальном. Что с тех пор, как впервые его встретила, каждый вечер, лежа в постели, представляла его рядом с собой в этой же постели. И, если бы он смог увидеть хоть малую часть ее вечерних фантазий, она этого просто не пережила бы.

Нельзя такое говорить. Особенно мужчине. Особенно Макару, который до определенного времени обращал на нее внимания не больше, чем на домашнюю зверюшку, скажем, на шпица. Вышло солгать не в пример убедительно. Макар даже поверил поначалу, а потом у него что-то закоротило в голове, и он как с цепи сорвался.

При этом Эва была убеждена, она и сейчас могла его остановить. И это было бы самым разумным, что она сделала бы за последние сутки, но... Не стала. Или, правильнее сказать, не захотела.

Стоило представить, что он прямо сейчас уйдет, сядет в свой хищный «Феррари», и она больше его не увидит, хотелось покрепче обхватить его руками и ногами. Пришлось саму себя обхватить, чтобы не сорваться.

Она провоцировала его не то, чтобы сознательно, скорее интуитивно, потому что внутри все вопило: «Держи, он сейчас уйдёт!»

И Эва отчаянно боялась выдать себя, потому и затаилась, едва дыша. Но он все равно не ушел. Впился пальцами в затылок и заглядывал в глаза, как будто надеялся там увидеть... Что? Откуда ей знать.

Внезапно в голову пришла отчаянная мысль. А что, если попробовать сыграть, показать себя опытной и искушенной? Ну смотрела же она фильмы с любовными сценами, да и для взрослых фильмы смотрела.

В конце концов, Макар не в бордель пришел, высший класс она не обязана демонстрировать, а то, что второй раз не больно, она читала в интернете...

Или интернет оказался подлым обманщиком, или сама Эва – ненормальной инвалидкой, но боль была еще более обжигающая. Может, потому что в этот раз Макар не слишком церемонился.

Лучше бы он снова чего-то обпился, а то смотрит прямо внутрь нее своими бешеными глазами и хрипит, будто совсем дикий. А может, это потому, что Мак слишком большой, в интернете не уточняли, но вряд ли там имели в виду таких, как он.

Она честно продержалась какое-то время, а потом попыталась оттолкнуть его, но как можно столкнуть с себя тонну сплошных мышц? Да нереально это. Снова она попала в соб-

ственную ловушку. Мак все равно догадается, если уже не догадался, хоть бы не разревется под ним.

Но слезы все равно потекли по щекам, и она непроизвольно закрыла лицо ладонями. Теперь Макар посмеется над ней и правильно сделает.

Но Мак просто убил. Он отвел ее руки и снова взгляделся в лицо, а потом начал шептать на ухо так ласково и успокаивающе, что она онемела. Он может быть таким? Нежным, не изнуряюще настойчивым и напористым? Не клеймить губами, а просто прикусывать, прокладывая невидимую дорожку от виска к шее, от шеи к плечам, и ниже от плеч...

Мак попросил довериться ему, и она доверилась. Он сдержал слово, боль не ушла, но уже не обжигала, и даже как будто притупилась. Эва услышала прямо над ухом мужской, прерывающийся глубоким дыханием голос:

– Поцелуй меня, Эва, не бойся...

Не приказывал, как недавно совсем, а просил, и Эва решилась. Потянулась губами и прикоснулась к влажной от пота груди, нависающей прямо над ней. Вспомнила, как это делал сам Макар, и потихоньку начала плести цепочку поцелуев по его крепкой шее, которую обнимала и поглаживала.

И теперь, когда она сама втянулась в эту воронку, полную запретного, неизведанного, но такого завораживающего и сладкого, что ей стало все равно. Что она уже второй раз за неполные сутки отдается практически незнакомому, пусть и уже любимому мужчине. Что она выгибается и подставляется под него, издавая глухие стоны, достойные самого горячего «взрослого» фильма. И что за тонкой стенкой не спит Ирка и все слышит.

Хотя что Ирка? Когда Макар финишировал, наверное, об этом узнала вся их панельная многоэтажка.

– Ну рассказывай, Эвочка.

– Мне тяжело, Макар, ты меня раздавишь, – она попыталась выбраться из-под него.

– Не раздавлю. Расскажи и отпущу, – а глядя на ее судорожные телодвижения, добавил предостерегающе: – Не прекратишь елозить подо мной, пойдем на второй заход, а презервативы в машине.

Но все же перенес вес тела на руку, и дышать стало намного легче. Он снова оттягивал ей волосы на затылке, проводя свой допрос, поэтому сейчас отделаться выдумкой, достойной детсадовской песочницы, не получится. Эва облизала сухие губы, твердо решив говорить только правду, ничего кроме правды, но... немного ее перевернуть.

– Мне нравится один парень.

– Так, хорошо. Просто прекрасно. А я здесь при чем? Вперед к нему, – снова злится. Ну что за бешеный темперамент?

– Он любит другую девушку, – сказала и замерла. Догадается?

Не то чтобы Макар был непроходимо туп. Просто в ту реальность, в которой живут такие, как он, Руслан и Алена таких, как Эва, не допускают даже мысленно. Поэтому он не догадался, зато неожиданно помог.

– Так это что, месть такая? Раз я тебе не нужна, отдамся первому встречному?

– А разве у тебя не так? – тихо спросила Эва, радуясь этой внезапной подсказке. – Разве ты не мстишь Алене?

Макар снова навалился сверху, на этот раз подложив ей под затылок обе руки, согнутые в локтях, а вес тела перенес на локти. И тогда ее ладони сами взметнулись к его затылку.

– Ты не самый худший вариант, – она даже улыбнулась от радости, что получается говорить только правду. Чистую. – Не то, что не худший, а один из лучших. Нет, не так. Лучший.

Зарыться в волосы, пробежаться кончиками пальцев по рельефной спине, погладить и обнять плечи...

Эва вспомнила, как эти мышцы двигались под ее руками, и пальцы ног сами собой сжались в сладкой судороге, а Макар неизвестно как, но почувствовал. Он не то чтобы улыбнулся, скорее оскалился в ответ и неожиданно прихватил зубами шею под подбородком.

– Издеваешься? Я тебя предупредил, презервативы в машине, а второй раз без защиты лучше не рисковать.

Он резко выпустил ее и поднялся, подбирая с пола джинсы. Сразу же без него стало неуютно и холодно. И пусто. Эва сдернула со стула платье и поспешно натянула – почему-то, стоило ему одеться, собственная нагота сразу стала смущать.

Макар тем временем порылся в карманах джинсовой куртки и положил на стол три порядком измятые купюры.

– Вот возьми. Извини, это все что нашел.

– Что это? – она встала и подошла ближе. – Доллары?

Горло перехватил спазм, и Эва чуть не задохнулась. Стодолларовые купюры, триста долларов. Это для нее все, что произошло, казалось сбывшимся сном и воплотившейся мечтой. А для Макара – всего лишь очередным проходным вариантом, который он тут же отконвертировал в более устойчивую валюту. В триста долларов.

Она метнулась к нему как кошка, он даже отпрянул от неожиданности. А Эва со всего маху влепила звонкую пощечину. Макар уставился на нее, изумленно потирая щеку, но видя, что она снова замахивается, отбросил куртку и схватил девушку в охапку.

– Ты с ума сошла?

– Не смей, – говорить не получалось, из груди вырвался несвязный сиплый шепот, Мак даже наклонился, чтобы лучше слышать, – не смей мне платить, я не буду спать с тобой за деньги!

Он посмотрел очень странным взглядом, а потом сжал объятия сильнее, полностью ее обездвижив, и уперся в макушку подбородком.

– А не за деньги будешь? – и продолжил негромко, по-прежнему обвивая ее руками: – Дурочка. Я не собирался платить тебе за секс. Это за фотографии.

– Фотографии? – пробормотала она ему в плечо.

– Кто-то обещал фотопортрет на день рождения, или ты уже забыла?

– Нет, не забыла, – Эва слотнула и потерлась щекой о футболку. Она была так благодарна ему за находчивость и эту маленькую, но такую важную для нее ложь, что готова была расплакаться. – Дай мне свою электронную почту, я пришлю туда.

Макар осторожно ослабил одну руку и заглянул ей в лицо:

– Ты больше не будешь драться? Мне нужно взять телефон.

Эва помогала головой и отстранилась. Она понимала, зачем Мак оставляет деньги, понимала, что никакого продолжения не будет.

Такому мужчине, как Макар, не нужна восемнадцатилетняя девчонка даже в качестве любовницы. Тем более в качестве любовницы. Значит, в принципе не нужна. Тем временем Мак протянул Эве ее же телефон.

– Разблокируй, – вбил свой номер, нажал на вызов, а затем сохранил контакт. Положил телефон рядом с купюрами и повернулся к ней. – Все, жду фотки.

Надел куртку, окинул Эву тем же непонятым взглядом с ног до головы, и направился к двери.

«Ты куда?», «Не уходи», «Останься, Мак!», «Ты вернешься?», «Мы больше не увидимся?»

Она изо всех сил стиснула зубы, казалось, стало слышно, как они заскрипели, чтобы ненароком ни одна из этих фраз, рвущихся наружу, не была сказана вслух. Если бы можно было, рот руками зажала.

Нельзя. Такое нельзя говорить под страхом смертной казни, потому что она не имеет никаких прав ни на этого мужчину, ни на его внимание, ни на его время. А выпрашивать Эва ничего не станет под страхом той же казни. Смертной.

Только об одном она имеет право знать, хотя, скажет ли он правду?

– Макар! – он обернулся. – Алена знала, что в шампанском?

Помолчал, а потом сказал, отворачиваясь:

– Спроси у нее сама. Спокойной ночи, Эва, – и ушел.

* * *

Теперь перед Эвой встала важная задача – не позволить себе скатиться в опасную яму нытья по поводу Мака. Эвангелина старательно убеждала себя, что в ее жизни он – случайность, коротенькая даже не лав-стори, а секс-стори. Прошло несколько дней, и ей уже не верилось, что у них что-то было.

Надо сказать, тут Макар помогал как мог – не звонил и не появлялся. Эве в голову не приходило удивляться, скорее, она бы ошалела, если бы тот позвонил. Зато появилась Алена, приехала без предупреждения в университет.

– Эва, подожди! – Эва увидела бегущую от стоянки сестру, и почему-то представила, как та спотыкается и летит на асфальт. Желательно, лицом вниз...

Она не то чтобы устыдилась своих мыслей. Просто понимала, что это уровень детского сада, а вот развернуться и пойти по своим делам вполне допустимо. Так что развернулась и пошла к троллейбусной остановке.

– Да погоди же ты! – Алена все-таки догнала ее и схватила за руку. – Давай поговорим.

– Давай, – тут же согласилась Эва и спросила: – Скажи, что подмешал мне в шампанское Руслан?

– Ты знаешь? – опешила та, но быстро сориентировалась. – Эвка, я не в курсе, правда, но он клялся, что там что-то легкое, просто адреналин поднять. Ну, прости. Хочешь, Руслан тоже извинится? Мы как лучше хотели, тебе ведь понравился Макар! Вот и решили, если ты будешь немного раскованнее, у вас может получиться. Мак он такой, не любит, когда девушка никакая, ему характерные нравятся. Кто же знал, что он выпьет твое шампанское и вырубится?

Эва даже рот от удивления приоткрыла. Вырубится? Они думают, что у них ничего не было, значит, Макар не сказал? И о том, что домой к ней потом приезжал, не сказал?

Щеки вспыхнули и загорелись. Тут бы порадоваться, но, скорее всего, Мак не стал ничего говорить не для того, чтобы пощадить ее самолюбие, а оттого, что ему нечем хвастаться. Это не та победа, которой гордятся и трубят на каждом шагу. Эва уж точно в его коллекции не самый желанный трофей.

– Папа плешь проел, – донеслось как сквозь вату, и Эва вспомнила об Алене. Вслушалась, та жаловалась на отца, что он урезал финансирование, – кстати, они в воскресенье тебя на ужин приглашали.

Значит, снова кому-то надо пустить пыль в глаза. Но предвыборная кампания давно позади, может, получится отвертеться? Эва смотрела на сестру, хотя какая она ей сестра? У них не было никакого общего прошлого. Так, знакомая, не самая близкая причем.

Следом пришла неожиданная мысль, что, если бы не Алена, они с Макаром нигде никогда бы не пересеклись. Выходит, Эва должна быть ей благодарна...

– Ты меня простила? Ну, не обижайся! Если отец узнает, мне тогда точно абзац, – не отставала Алена, и тут Эву осенило. Их недавний разговор до сих пор не давал покоя, бередил душу и ум.

– Хорошо, я тебя прощаю. Если пришьлешь мне фото, где вы с семьей на пляже или где-нибудь в аква-парке. Мне все равно, когда это было, можно там, где ты маленькая.

– Конечно, – Алена вздохнула с таким облегчением и так явно обрадовалась, что Эва чуть не рассмеялась.

Со стороны посмотришь, и правда переживает, а зачем ей на самом деле мириться с Эвой... Что ж, скоро узнаем. Возможно.

* * *

Алена прислала фото в тот же день, и Эва несколько минут собиралась с духом, чтобы его открыть. Предчувствия подтвердились, она долго и задумчиво рассматривала увеличенное фото на экране, а потом вызвала такси.

– Здравствуй, Эва, – Наталья Георгиевна лично встретила ее на пороге дома, – Петра Станиславовича нет, он недавно уехал.

Вид у нее был, как всегда, недовольный, наверняка решила, что Эва приехала просить деньги. Она всегда так думала, хоть Эва никогда не просила. Впрочем, если по справедливости, то Наталья Георгиевна стала намного лучше относиться к ней, когда она съехала.

– Я не к Петру Станиславовичу, я к вам.

Наталья Георгиевна слегка прикусила нижнюю губу, а потом кивнула, приглашая идти следом.

– Хорошо, пойдем.

Они прошли в гостиную, Эва нетерпеливо отказалась от чая и от кофе тоже, а затем повернулась к хозяйке дома.

– Я не сразу поняла, почему вы так отнеслись к моему появлению в вашем доме. Простите, мне следовало объясниться раньше.

– Что ты делаешь, Эва? – изумленно взметнулись аккуратно прорисованные и покрашенные брови, а Эва тем временем расстегнула пуговицы на блузке и отвернула ворот.

Глава 10

С левой стороны, вниз от плеча и выше от груди отчетливо виднелось светло-коричневое родимое пятно, по форме напоминающее перевернутую каплю. С одной стороны его края были будто срезаны, с другой заканчивались криво очерченной бахромой.

Эва очень стеснялась его. Собственно, из-за этого пятна она не рисковала сближаться с парнями. Казалась себе меченой. Глупая, Макар вот даже внимания не обратил, скорее всего, не заметил...

– Когда мама заболела, она рассказала мне, – Эва говорила тихо, но в комнате стояла такая тишина, что было бы слышно, даже если бы она говорила шепотом, – у моего отца было похожее и тоже с левой стороны. Ей не было причин врать, она уже знала, что... – Эва сглотнула и продолжила: – Я не знаю, кто мой отец и как его зовут, они с мамой были знакомы недолго, и то имя, которым он назвался, не настоящее. Но я уверена в одном, это не Петр Станиславович. Я видела ваши семейные фотографии на пляже, я не незаконнорожденная дочь вашего мужа. Вам не за что на нас обижаться, Наталья Георгиевна.

Бессонова резко встала и отошла к окну, повернувшись к Эве спиной. Постояла так совсем недолго, а потом заговорила:

– Он любил твою мать, Эвангелина. Хоть они и были двоюродными, его это не останавливало, да и правильно, раньше брак между кузенами считался вполне возможным. Твоя мать была очень красива, ты похожа на нее, поэтому, когда я тебя увидела... – она замолчала.

– Но мама была старше! – потрясенно проговорила Эва. – Вы уверены?

Наталья Георгиевна хмыкнула, и это получилось у нее неожиданно по-юношески. Эва снова испытала чувство, близкое к шоку.

– На пять лет. Уверена, конечно, мы же учились вместе, это все происходило на моих глазах. Я была его другом. Петя поверял мне все свои сердечные тайны, а я его утешала, – смешок в этот раз вышел достаточно горьким. А потом она так же резко повернулась к Эве. – Я не виню твою мать, Эва. Кира не давала ему повода, просто знаешь сама, есть женщины, которыми все восхищаются, она была как раз из таких. Петр как с ума сошел, а Кира к нему относилась как к брату. Их матери, родные сестры, решили прекратить всякое общение, чтобы не провоцировать детей. Но знаешь, мне кажется, моя свекровь всерьез считала сестру и племянницу виноватыми. Может, они разругались, она не признавалась. Но Петя даже не знал, где живет Кира, они столько лет не виделись и не общались. А потом вдруг он уезжает и привозит тебя... Что я должна была думать? Особенно когда тебя увидела.

– Я не так похожа на маму, – ответила Эва, ошеломленная этой историей, – она правда была красавицей.

– Это ты так думаешь, – грустно усмехнулась Бессонова, – ты просто еще слишком молоденькая.

В воздухе повисла неловкая пауза. Эва застегнула пуговицы и поправила блузку.

– Я пойду. Извините, что побеспокоила, – она поднялась и направилась к двери, как тут ее остановил негромкий оклик:

– Эва! – Наталья Георгиевна смотрела виновато и благодарно, ее глаза подозрительно блестели. – Прости меня! И... Спасибо!

Эва кивнула и вышла из комнаты.

* * *

– Эвка, поплывешь с нами на яхте? – Алена откусила яблоко, а Эва чуть не поперхнулась, но быстро взяла себя в руки.

– Мне к экзаменам надо готовиться, извини, я не смогу.

– Эвочка, у тебя проблемы с сессией? Ты скажи, я решу, тебе там быть надо обязательно, – заявил Бессонов. Его поддержала жена:

– Да, детка, ты вон какая бледная, а там позагораешь, подышишь морским воздухом.

Эва никак не могла выбрать удобный момент, чтобы улизнуть с воскресного ужина с дорогими родственниками. Не то чтобы ей было неуютно, наоборот, Наталья Георгиевна встретила ее очень приветливо. Да и у дяди видимо все складывалось удачно, и он тоже был рад видеть племянницу.

Эва смотрела на приземистого, полнеющего мужчину, и ей не верилось, что он в принципе был способен на такие пылкие и пламенные чувства. Да и Бессоновой тоже гораздо больше подходила роль мраморной садовой скульптуры, чем влюбленной девочки, вынужденной выслушивать о сердечных невзгодах своего возлюбленного.

Неужели деньги способны настолько выкорчевать все живое и заполнить душу и мозг человека практически без остатка? Вопрос риторический...

– Не отпирайся, это же мой день рождения!

– У меня три заказа, – почти не солгала Эва, заказ был один, – я не успею.

– Эва, что за глупости! Алена твоя сестра, как это тебя не будет на ее дне рождения? – дядя отложил вилку и повернулся всем корпусом.

– Мы с твоим дядей посоветовались и решили, что хоть ты и совершеннолетняя, но коль ты учишься, мы должны тебе помогать, – Наталья Георгиевна выложила перед Эвой длинный конверт с логотипом крупного банка. – Возьми, это карта, которую я буду пополнять по мере необходимости.

– Зачем? Мне не надо! – Эва попыталась сунуть конверт обратно, но неожиданно получила решительный отпор.

– Бери! Как раз купишь себе одежду для отдыха.

Что ж, значит карту постигнет участь долларов, будет валяться в ящике комода в коробке. Эва в жизни эти деньги не возьмет.

– Я правда не могу, – взмолилась она, глядя то на дядю, то на его жену, – да и я никого там не знаю в их компании.

«Кроме Макара».

Слева заныло, и Эва постаралась заглушить эту ноющую боль. Макар так и не появлялся, она отправила ему портрет с несколькими фильтрами и обработками на выбор, но в ответ пришло лишь лаконичное: «Спасибо». И все.

– Кстати, а что там произошло между Демидовым и твоим Русланом? – спросил Бессонов у дочери. – Я слышал, Резанов даже в больницу попал. Они что, совсем с ума посходили?

Алена скромно потупилась и вздохнула.

– Макар узнал, что мы встречаемся, вот и не сдержался. Они подрались, Макар Руслана чуть не убил. А потом сам в травмпункт отвез, они же дружат много лет. Но Руслан в больнице не остался, врут твои слухи, пап! Там и Макару неслабо досталось.

Эва вздрогнула, нож со звоном упал на сверкающий испанский кафель. Мак подрался с Русом? Из-за Алены? Конечно, из-за Алены, не из-за нее же. Но внутри все равно стало жарко, как в раскаленной печи. Так может Макар поэтому не появляется?

– Я, наверное, пойду, – сползла она со стула, – завтра лекции. Спасибо, было очень вкусно.

– Я провожу! – вызвалась Алена. На пороге дома она взяла Эву за руку. – Послушай, ты не можешь так со мной поступить. Я пообещала Макару, что попрошу у тебя прощения, он только поэтому оставил в покое Руслана. Он его правда чуть не убил. Но если ты со мной не поедешь, Мак решит, что я его обманула, и расскажет все отцу. Он пригрозил...

– Алена, с меня хватило одного дня рождения, – Эва отняла руку.

– Я клянусь, что не буду тебя просить выпить, не буду ничего предлагать, чтобы ты не сомневалась... – начала было Алена, а потом подозрительно взглянула на Эву. – А что тебе не понравилось на том дне рождения? Ты же сама сказала, что у вас ничего не было. Или все-таки было?

Эва призвала на помощь всю свою выдержку.

– Не было, – пожалала она плечами, внутренне сжимаясь от накативших воспоминаний, – и быть не могло.

– Вот видишь! – обрадовалась Алена. – Значит, договорились!

* * *

Музыка басами отдавала в затылке, мерцали пылинки в лучах лазерных прожекторов. Макар сидел, облокотившись о барную стойку, смотрел на извивающиеся тела танцующих и думал о том, как его это все раздражает. Почему только, непонятно.

Хотя что там непонятного? После того, как он окончательно проспался и у него прочистились мозги, первым порывом было упиться до отключки по новой.

Во-первых, будем называть вещи своими именами: он изнасиловал невинную девочку, сестру Алены, что бы она там ни лепетала о своей мести парню. А второе было еще более омерзительным. Потому что, приехав к Эве, вместо того чтобы поговорить, извиниться и свалить в закат, он в закат-то свалил, но перед этим изнасиловал ее второй раз. И по-другому Макар это назвать не мог, потому что привычным сексом все происходящее можно было назвать разве что в припадке буйного помешательства.

Девочке было больно. Он помнил, как она дрожала и плакала, и от отвращения к себе готов был биться о стену. Он даже начал, въехал пару раз кулаком, потом вспомнил о куда более подходящем объекте, сменил локацию и набил морду Руслану. Единственное, что сейчас доставляло хоть какое-то удовольствие, это воспоминания, как он его бил.

Рус защищался, конечно, но Макар точно бы его покалечил, если бы не Алена. Она заламывала руки, рыдала, просила остановиться, обещала попросить у сестры прощения. Макар пригрозил рассказать все старшему Бессонову, и она еще раз пообещала, прям поклялась.

В-третьих, он предложил Эве деньги. Потому что охренел от нишей, убогой комнатки в убитой квартире с китайской дверью, которую при желании можно легко вскрыть консервным ножом. И ушел, не попрощавшись. Просто кивнул, а сам разве что не сбежал.

Потому, как если бы еще продолжил смотреть на нее, такую хрупкую, с опухшими зацелованными губами, пропахшую и пропитавшуюся им, обвивавшую себя руками, то точно не смог уйти. А презервативы в самом деле остались в машине. И это был бы настоящий треш.

Но самым позорным для Макара оказалось то, что для него самого все прошло просто потрясно. Охрененно. Восхитительно. И это убивало больше всего.

Он ведь не садист и не маньяк. Почему же только от одного воспоминания о своем ошеломительном финале – вся та облезлая многоэтажка слышала! – позвоночник простреливало, будто по нему пропускали электрический ток? Все ощущения казались ярче, острее, проникновеннее. После он не чувствовал себя опустошенным, напротив, в груди растекалось что-то теплое, умиротворенное. И от этого Макар чувствовал себя настоящим извращенцем.

– Мак, поехали уже, – по колену поползли пальцы с ухоженными, длинными ногтями, и Макар вернулся в действительность.

Инга, он совсем о ней забыл. Она давно к нему подкатывала, даже встречаясь с Андреем. Но тогда ничего не вышло, потому что занятых девушек, особенно если это знакомые, Мак в качестве сексуальных объектов не рассматривал. С Андреем Инга рассталась, и сегодня они договорились, что после клуба едут к Макару.

Ехали в такси на заднем сиденье. Оба выпили, хоть и немного, поэтому за руль Макар Ингу не пустил. В этот раз она не ограничилась коленом, а запустила руку ему под футболку.

– Хочешь я тебе... – дальше продолжила на ухо, прикусывая мочку. – Прямо здесь.

Макара обдало дыханием с легким запахом сигаретного дыма и алкоголя, и его замутило. Он взял девушку за подбородок, заглядывая в лицо.

Совсем близко оказались губы идеальной полноты с идеальным изгибом – она вся была идеальной, эта беловолосая Инга. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Потому что все, что нужно, было давно убавлено и прибавлено лучшими отечественными и зарубежными пластическими хирургами.

– Хочу, – сказал, придавливая губу большим пальцем, и Инга, не сводя с него призывного взгляда, сползла с сиденья вниз.

«Сколько их там было?» – неожиданно промелькнуло в голове Макара.

Он смотрел на ее жадные губы, и изнутри поднималась волна отвращения. В первую очередь к себе. До Андрея у Инги был Серж, а перед этим Тим, Руслан там точно был.

«И всем им она?..»

Перед глазами встало другое лицо с глазами, похожими на две пропасти, заполненными утренним туманом. Настоящее лицо, без филеров и прочей херни. Настоящие губы, припухшие не от инъекций красоты, а от его поцелуев. Изящная шея в багровых отметинах его сумасшествия. Нежная, шелковая Эва, которая была только его, помеченная только им и принадлежащая только ему.

Внутри все свело. Макар сцепил зубы, рывком поднял с пола Ингу и застегнул джинсы.

– Что такое, Мак? – изумленно вскинулась Инга.

– Мы ко мне не едем. Я передумал, сейчас отвезу тебя домой, – он перегнулся через нее и продиктовал таксисту адрес.

– В чем дело? – Инга попыталась его обнять. – Я не хочу домой.

Макар разнял пальцы, отвел ее руки и отсел дальше.

«Я сейчас блевану!»

– Инга, я отвезу тебя домой, а дальше можешь ехать куда хочешь.

Она материлась и когда Макар вытаскивал ее из машины. Но ему было все равно. Он сел обратно, уже на переднее сиденье, и назвал адрес.

Конечно, прежде следовало бы вымыть руки, рот, принять душ, переодеться, пройти полную дезинфекцию, может, даже выдержать карантин. Хотя вряд ли поможет. Для этой чистой девочки он слишком грязный и потасканный, как ни отмывай. К тому же с чего он взял, что она дома?

Макар сам не знал, зачем едет, просто ехал. Извиниться хотел, наверное. Убедиться, что с ней все хорошо, что она в порядке. А может, удастся все же разглядеть что-то в этих загадочных глазах?

Он вспомнил, как и когда он в них смотрел, и вверх взметнулось раскаяние, острое чувство вины и все остальное.

Да не извиняться он ехал и не каяться. Макар отчетливо это понял, разглядывая дешевую, сделанную из консервной банки, китайскую дверь. Дверь отворилась, явив знакомое веснушчатое лицо, которое, увидев Макара, сделалось как туча. Грозным и мрачным.

– Эва дома? – о, даже голос прорезался! Пусть хрипло и сипло, но хоть как-то.

– Проходите, – недовольный тон девчонка скрыть даже не пыталась, – только разуйтесь, пожалуйста. Мы дома в обуви не ходим. Можете надеть тапочки.

Макар сбросил мокасины. Если бы мог, заржал бы при виде предложенных микроскопических тапочек с бантиками, но ему было не до смеха. Эва стояла у закрытой двери своей комнаты, глядя на Макара так, что у него пол из-под ног уходил.

Он подошел и уперся рукой о притолоку. Сзади что-то немилосердно жгло спину, он обернулся, рыжая сверлила его ненавидящим взглядом. Макар, как и в первый раз, развернул ее за плечи и подтолкнул в сторону второй комнаты.

– Исчезни, – а сам снова повернулся к Эве. – Пошли меня, Эвочка. Выгони меня на хер.

В этот момент он искренне этого желал. Нависал над ней, упираясь о стенки. Дышал как будто не на машине ехал, а пробежал полгорода. И надеялся, что она спасет его. Спустить по лестнице девушке явно не хватит сил, но можно же просто вытолкать из квартиры.

Эва смотрела на Макара, не мигая, а потом шагнула назад. Спиной толкнула дверь, широко распахнула ее и отошла в сторону, так и не сводя с него своего непонятного взгляда.

Мак ногой закрыл дверь и схватил Эву в охапку, врываясь в ее рот, сминая на затылке волосы и отчетливо осознавая, что не имеет на это никакого права.

Глава 11

В третий или четвертый свой приезд он снова оставил Эве деньги. Та попыталась обидеться и возмутиться, но Макар не стал слушать.

– Ты же не хочешь, чтобы я снял тебе квартиру, поищи варианты сама. Но ты должна отсюда съехать, эти трущобы не выдерживают никакой критики.

– Я не могу, – уперлась Эва, – мы вместе с Ирой снимаем, я ее подведу. Сама она не потянет.

– Так снимите что-то попроще.

– Ира не согласится.

Ира, Ира... Конечно, эта рыжая чистоплюйка не согласится пользоваться его деньгами. Макар прекрасно знал ее отношение к подружкиному... любовнику. А вот тут и начинался самый отстой.

Мак понимал, что не должен приезжать, морочить девочке голову, но как от нее отказаться, не знал. Каждый раз материл себя, подъезжая к ее подъезду, и даже перед дверью ее квартиры материл.

Но стоило увидеть Эву, тормоза отказывали, и Макар сам охреневал, как быстро они оказывались в постели. А потом уезжал. И снова себя материл, и так до следующего раза.

Эва несколько раз робко предлагала остаться, но он ни разу не остался. Он даже в душ там не ходил, и она стала вешать для него чистое полотенце.

В доме у девушек чистота царилась идеальная, тут придраться было не к чему. Но безумно раздражала скрипящая старая кровать, ободранная ванная комната и вообще вся эта убогая обстановка.

– Мы предлагали хозяйке переклеить обои и покрасить в ванной в счет арендной платы, – оправдывалась Эва, – только та и слышать не хочет. Мы немного накопим денег и сами сделаем.

При этом доллары, которые давал Макар, она, по-видимому, деньгами не считала, поскольку те лежали в комодике чуть ли не на виду. Он поражался, как Бессонов допустил, что его племянница живет в такой конуре, но спросить Алену не мог, хоть иногда пересекался с ней и Русланом в компании.

Никто не знал, что они встречаются с Эвой. Хотя, если быть до конца честным, слово «встречаться» здесь и близко не подходило. Другое подходило, матерное.

Никогда у Макара не возникало проблем с тем, чтобы разорвать отношения. Всегда это проходило легко, как само собой, потому что никогда он не доводил отношения до серьезной стадии. Или, как он это называл, точки невозврата.

Их отношения с Эвой вообще не вписывались ни в какие рамки, но тут он чувствовал себя полностью безоружным. Эва все время озадачивала его, поражала и ошеломляла. В пятый приезд, когда он достал презервативы, она остановила его.

– Не нужно, Мак. Я была в женской консультации, мне выписали противозачаточные. Я уже начала их принимать.

И он реально впал в ступор. Сказать ничего не мог, смотрел на нее и молчал. Зато в тот раз секс был таким, что вполне мог претендовать на бестселлер не только года, а и всей его «взрослой» жизни. Та гребаная многоэтажка должна была благодарить Макара за то, что просто не выпалась. Могла и развалиться, как при землетрясении.

В этот раз Мак приехал чуть позже, в подъезд вошел беспрепятственно – какой дом, такой и домофон. Вечно он был то сломан – то доводчик на двери отвалился, то просто дверь была открыта и кирпичом закреплена для верности. Макар только тихо зверел.

Поднялся на седьмой этаж и позвонил в дверь. По решительной походке узнал Ирку, но рыжая дверь не открыла, посмотрела в глазок, и следом он услышал из-за двери недовольное:

– Эвка, там твой трахальщик пришел, иди сама ему открывай, я его видеть не могу, – голос отдалялся вместе со стервозной девкой.

– Перестань, – заговорила Эва в глубине квартиры. Что ж, тут такая слышимость, он и на улице бы услышал.

– Не пускай его, Эва, пусть уже отваливает, сколько ты будешь унижаться?

Что ответила Эва, Макар не услышал, зато услышал легкие шаги.

– Зачем он тебе, Эв, он же тебя не любит! – вдруг раздалось раздраженное.

– Я знаю, – донеслось до него как шелест, и внутри все онемело.

Мак едва успел отскочить от двери, когда щелкнул замок и открылась дверь. Взбежал по лестнице на один пролет вверх и прижался к стенке. Стоял как дурак, представлял ее лицо, удивленное, растерянное, и отчаянно надеялся, что она его не позовет. Она и не позвала, кто бы сомневался.

– Он ушел, зря ты возмущалась, – дверь закрылась, а Макар продолжал стоять, уставившись в стену, и чувствовал себя настоящим подонком. Очнулся и пошел к лифту.

Он кружил на машине по городу часа три. Слова рыжей Ирки подействовали на него удивительным образом, встряхнули и отрезвили. Как будто ему мозг промыли, протерли насухо и обратно вставили.

Девушка хоть и стервоза, но она права, кто он Эве? Трахальщик и есть, тут и крыть нечем. И абсолютно очевидно, именно ему следует принять решение, что делать дальше.

Ему двадцать пять, он на семь лет старше Эвы, девочке только на днях исполнилось восемнадцать. Месяц назад за секс с ней ему бы грозила статья. Он не должен больше приезжать, прикасаться к ней, впиваться в нее, зарываться в волосы руками, лицом, обмирая внутри от того, какая она шелковая...

Макар очнулся и увидел, что сидит за рулем своего «Феррари» во дворе ненавистной многоэтажки.

Окна Эвиной квартиры были темными, да Макар и не собирался подниматься. Хватит, наслушался уже на сегодня. И хоть определение Ирки оказалась на удивление метким, осознавать это было мерзко.

Уперся в сложенные на руле руки и задумался. А ведь правда, Эве восемнадцать исполнилось совсем недавно, меньше трех недель назад. Он тогда встретил девушек в ресторане, она была с Аленой. И он ей так ничего и не подарил. Эва ему прислала подарок, очень качественное фото, у девочки действительно талант...

Его как пробило. Макар в последний раз взглянул на темные окна и вырулил со двора.

* * *

Он звонил в дверь, держа перед собой упакованную коробку. Заходить Макар не собирался, думал просто отдать Эве подарок и уйти. Но открыла Ира.

– Она спит, – в этот раз прием был не таким ледяным, и Макар потерялся в догадках, это ее коробка впечатлила или она просто не успела разозлиться?

– Я привез подарок, передашь или... Это фотокамера, – сказал, словно оправдывался.

– Передам, – Ирка рассматривала его с интересом, как будто он внезапно перестал быть одноклеточным, точнее, одноорганным существом. И тогда Мак попросил:

– Ира, можно, я на нее посмотрю?

Она хлопнула глазами, видимо, мысленно свалившись в обморок, и растерянно кивнула. Макар привычно разулся, прошел мимо обалдевшей и посторонившейся Ирки и вошел в комнату Эвы. Поставил коробку на комод, присел возле кровати на корточки. Он впервые видел Эву спящей и сам не знал, почему не может сдержать улыбку.

Эвангелина спала на спине, волосы разметались по подушке, и первым его порывом было лечь рядом, просунув одну руку ей под голову, а второй беря девушку в кольцо. Как, наверное, хорошо так проснуться с ней и еще в полусне почувствовать под собой упругое и шелковое тело!

В голову неожиданно пришло, что ему даже не пришлось придумывать, как ее называть – малыш, детка или милая. У нее имя уже готовое – девочка, Эвочка...

Макар аккуратно поправил разметавшиеся волосы, погладил, пропустил сквозь пальцы несколько прядей, посидел еще немного и ушел, не попрощавшись с Ирккой. Главное, что он попрощался с Эвой.

* * *

Это все равно было больно. Хоть Эва с самого начала знала, что ее чувства к Макару обречены, каждый его приезд – последний, а сам Макар в ее жизни – необъяснимая случайность. Но он снова приезжал, и все разумные доводы отступали, унося с собой заодно и здравые мысли.

Ирка и ругала ее, и уговаривала, и материла, но ничего добиться не могла. Эва упорно продолжала впускать Макара в свою комнату и в свое тело, потому что сопротивляться было глупо и бессмысленно. В ее душе и сердце он уже основательно окопался, сидел там безвылазно, так что изменят ее протесты?

Вот если бы можно было его оттуда выгнать, другое дело, но как Эва ни пыталась, у нее ничего не получалось. Не то чтобы она не понимала, она ведь не слепая. Их отношения сводились исключительно к сексу, за который Макар платил ей деньги, как бы завуалированно он это ни преподносил. И поэтому те деньги Эва просто ненавидела.

Она бы давно их отдала на благотворительность или просто выбросила, но Ирка упростила ее не горячиться.

– Откуда ты знаешь, что дальше будет с учебой, оплатят ли тебе следующий год твои родственнички, – здраво рассуждала подруга. – А если прижмет, то и эти деньги сгодятся.

Макар сразу предложил ей сменить квартиру, но стоило Эве представить, как она ходит там одна от стенки к стенке в ожидании его приезда, ей сразу делалось плохо. Особенно когда она понимала, что однажды он просто не придет. Эва ему надоест.

Здесь же они вдвоем с Ирккой, Эва на своей территории. А то, что он не остается с ней до утра, так кто сказал, что он там будет оставаться?

Ему здесь все не нравилось, в этой квартире, он и не думал скрывать, но ни единого раза не позвал Эву к себе. Что тут еще можно было сказать? Ирка, конечно, нашла, что.

– Да ты в его глазах не более, чем использованный презерватив. Как вот эти три, что в ведре валяются, – подруга умела быть прямолинейной до крайности, и Эву чуть не вывернуло.

С тех пор она видеть не могла презервативы. Специально сходила на прием в женскую консультацию, чтобы ей выписали противозачаточные, и сразу же начала их принимать. А вот лицо Макара, когда Эва ему об этом сообщила, достойно было запечатления в нескольких ракурсах.

Жаль, что она еще так мало разбирается в мужчинах, а тем более, в их взглядах. Так что кто его знает, о чем думал Мак, когда ТАК на нее смотрел.

Возможно, это была благодарность, возможно, восхищение, а может быть, просто предвкушение. О том, что ощущения без защиты совершенно другие, была опять же оповещена вся их многострадальная многоэтажка.

Сама Эва еще не поняла, почему все вокруг сходят с ума от этого секса. Ей безумно нравилась близость с Макаром, но исключительно потому, что это был Макар. Ей нравилось даже просто с ним целоваться или лежать в обнимку.

Точнее, она так думала. Потому что обычно они не лежали. Макару уезжал, как только его дыхание переставало напоминать шум гидравлического пресса.

– Да перестань ты, не комплексуй, – успокаивала ее Ирка, – это поначалу так. Ну сколько там у тебя их было, этих раз, чуть больше десятка? Первые вообще не считаются, это полный звезда. По-хорошему, давно пора ввести закон, чтобы дефлорацию осуществляли только под общим наркозом.

Эва вспоминала жгучую изнутри боль, бурые разводы на простыни и, в принципе, была с подругой согласна.

– А вообще я тебе так скажу, каждая женщина, знающая, что ей нужно, и умеющая это делать, получит удовольствие с любым мужчиной.

Вот тут Эва с ней не соглашалась. На месте Макара она вообще никого представить не могла. Он был не просто лучшим, он был единственным. Впрочем, Иркины проповеди носили, скорее, декларативный характер. Сама она встречалась с одним Пашкой и оттачивать свое мастерство на массе увивающихся за ней поклонников не торопилась.

Поклонников хватало. Зажигательная, как огонек, Ирка, в придачу и сама похожая на солнышко, притягивала их как магнит. Да еще и нрав у нее был мирный и уживчивый, она ладила практически со всеми. И почему у них с Макаром с самого начала не сложились отношения, для Эвы оставалось загадкой.

Первое тревожное ощущение зародилось, когда Мак ушел, не дождавшись, пока ему откроют дверь. Первым порывом было позвонить ему, спросить, вдруг что-то случилось. Но усилием воли Эва подавила ненужный порыв. У нее был контакт Макара, но она ни разу им так и не воспользовалась. Что она может у него спросить?

«Почему ты уехал?»

«Ты правда хочешь это знать?» – спросила она себя Иркиным пренебрежительным тоном и честно себе же ответила: «Нет, не хочу».

Потому что и так все знала. И его приезд поздним вечером с подарком было лучшим тому подтверждением. Если бы он не собирался разрывать даже то жалкое подобие отношений, которое у них было, он бы ее обязательно разбудил. А так вошел в комнату, посидел несколько минут и ушел.

Фотокамера была такой навороченной и дорогой, что Эва на целый час впала в ступор и не могла слова выговорить. А потом схватила телефон, умирая от счастья, что теперь у нее есть абсолютно официальный повод позвонить Макару.

Он долго не брал трубку, а когда ответил коротко и резко: «Да, Эва, слушаю. Что у тебя там?» – она не нашла, что сказать.

Что у нее там? Ничего, кроме тупой, ноющей боли в области сердца, возникшей от его голоса, но вряд ли до этого есть дело Макару.

– Я хотела поблагодарить тебя, Мак, – она в самом деле чувствовала искреннюю благодарность, – это такая крутая камера!

– Мне сказали, лучшая, – голос в трубке мгновенно смягчился, и Эва едва не разревелась от обиды. А если бы она позвонила сказать, что соскучилась, его тон был бы таким же ледяным? Значит, она никогда ему такого не скажет... – С днем рождения, Эва! Прости, у меня сейчас конференция...

И она поняла, что это был не просто подарок Макара на день рождения трехнедельной давности. Это были его «отступные». Больше Эва ему не звонила.

В груди та тупая, ноющая боль поселилась надолго, но Эве не с кем было даже поделиться. С Иркой не могла – разве может что-то болеть у использованного презерватива? И хоть подруга смотрела с искренним сочувствием, Эва все равно не подавала виду, а на вопрос о Макаре лишь равнодушно пожимала плечами. И когда после лекций ее подстерегла Алена, Эва даже обрадовалась.

– Мы выезжаем через три дня, тебя повезут Вешневские, – деловито начала та, стоило им только присесть за столик кофейни. И тут Эва вспомнила о своем опрометчивом обещании.

– Я не смогу, – попыталась придумать подходящую отмазку, но сестра опередила.

– Не прыгавай, – предупредительным тоном сказала она, – ты обещала. И потом, я не просто приглашаю тебя на свой день рождения, я хочу тебя нанять как фотографа. Мак показывал портрет, что ты ему сделала, он просто потрясный. На яхте и так будут официанты, охрана и экипаж, мне совсем не хочется, чтобы там еще были посторонние. Я ведь не просто так прошу, Эвка, мы с Русланом объявим о женитьбе на вечерней pool-party и пригласим всех на свадьбу. И я хочу, чтобы у нас были красивые фотки. А еще там должен быть Макар, – Алена принялась и откусила пирожное.

– Зачем тебе Макар? – молясь, чтобы не выдать себя, спросила Эва.

– Он должен понять, что у нас все серьезно. Он ведь мне весь мозг вынес тем, что я буду его женой. Мы с Русланом специально никому не говорили, хоть свадьбу планировали давно, и я хочу, чтобы Макар это слышал.

– А я при чем?

– Он спрашивал, будешь ли там ты. И сказал, если тебя не будет, он тоже не приедет. Наверное, не верит, что я перед тобой извинилась.

– Но мне не в чем туда ехать, Алена, – Эва мучительно выдумывала причины, из-за которых можно остаться в городе, и ничего на ум не приходило.

«Это потому, что там будет Макар? Ты поэтому так туда рвешься?»

– Давай ты не будешь ничего придумывать, а за платьем мы едем прямо сейчас.

* * *

Эва пряталась за широким объективом фотокамеры и раздумывала, когда удобнее будет сбежать. Макар не приехал. Она тщетно выглядывала его и на берегу, где они заселились в отель в ожидании всех гостей, и уже на самой яхте.

По всему выходило, что «вечеринку у бассейна» ей придется отработать, коль уже пообещала, а вот завтра вполне может получиться свинтить. Или яхта где-то причалит, или катер-курьер что-то привезет, а с ним можно будет вернуться на берег.

– Ждем еще одного человека, – крикнула тем временем Алена одному из членов экипажа, и у Эвы внутри все задрожало.

Неужели? Они ждут Макара? Он приедет? Вот прямо сейчас можно будет его увидеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.